Оборотный город

Автор:
Андрей Белянин

Оборотный город

Андрей Олегович Белянин

Оборотный город #1

Нечистая сила на Руси никогда не переводится! Особенно у нас, в Оборотном городе, населённом ведьмами, бесами, упырями, колдунами и вурдалаками во главе с таинственной Хозяйкой. Вот и приходится нам, казакам, почти каждый день нагайкой да шашкой защищать от них честных людей. Или их от честных людей? Да когда как… А чтоб не обманываться и видеть нечисть под любой личиной, вам для начала должны плюнуть в глаз! Мне плюнули. Но зато и я им потом такое устроил…

Андрей Белянин

Оборотный город

Часть первая

Оборотный город

– Иловайский!

Не встану… не хочу… ещё с полчасика…

– Иловайски-ий!!

Господи, чего ж так орать-то ни свет ни заря… Вчера я лёг поздно, зачитался новым французским романом о жизни игривой, но прекрасной крошки Розалинды из монастыря Сен-Мишель Жервэ де Блю-Блю. Должно же у дяди быть хоть какое-то сострадание?

– Иловай-ски-ий…кх…ох… От леший, опять горло сорвал… Прошка! А ну всыпь энтому негоднику пять плетей от моего имени и волочи сюда за химок, как кутёнка!

Ну вот, пошли непрозрачные намёки, склонение посторонних лиц к физическому рукоприкладству, угрозы поркой… На последнем моего дядюшку просто клинит, к врачу его сводить, что ли, или самому втихую подлечить касторкой? А-а, вставать всё равно придётся…

– Ваше благородие, – дружелюбно прогудел у меня над ухом тяжёлый бас моего денщика, – поднимайтеся ужо, а то их превосходительство гневается.

– Эх, Прохор, знал бы ты, где я в такое время вижу моего драгоценного дядюшку…

– Знаю, ваше благородие. У мерина под хвостом да всего целиком, с сапогами и шпорами да с кусачим норовом! – ухмыльнулся старый казак, подавая мне полотенце.

Я скатился с широкой лавки в сенях, шагнул к рукомойнику, в осколке зеркала отразилась помятая физиономия молодого человека с заспанным лицом, всклокоченным чубом и тонкими усами. Боже мой, и это я?!

Под глазами круги, морда красная, как с перепою, но я ведь и не пил вчера, только читал! Или читал вприхлёбку? Нет, вряд ли… Конечно, в отличие от большинства станичников я могу время от времени позволить себе стакан сухого красного, а здесь в селе только самогонка, мне один раз нюхнуть – и в хлам! Не кантовать, не шевелить, не будить и не взывать к совести – если встану на ноги, могу быть агрессивным и ничего наутро не помнящим…

Да, кстати, позвольте представиться, хорунжий Илья Иловайский, двоюродный племянник самого генерала Иловайского 12-го, прошедшего уйму войн, украшенного шрамами, увешанного всеми мыслимыми наградами, добрейшей души человека, неизвестно за что получившего в наказание – меня!

А я, как вы наверняка уже поняли, воплощённый позор семьи…

– Вот ить всем ты хорош, Иловайский, – частенько говаривал мне дядюшка, вечно величая меня по фамилии. – И красив, и силён, и храбростью не обижен, да токма одна беда – воевать не любишь! Нет в тебе честолюбию воинского, всё с книжками носишься, всё витаешь гдей-то в эмпиреях. Ох, лышенько, маета ж ты моя нервотрёпистая…

Всё так, всё честно, обижаться не на что, ибо меня, потомственного казака, младшую ветвь знаменитого родового древа, офицерская карьера не прельщала абсолютно. Батюшка погиб, отражая крымские набеги, маменька в одиночку поднимала четырёх дочерей и такого неслуха, как я. Ей помогали, но…

Я рос болезненным ребёнком, отчего рано приобрёл страсть к фантазиям и созерцательности. В станицах этого не любят, и хотя мне пришлось научиться стоять за себя, но соседские мальчишки колотили меня почти ежедневно. Что и сподобило маменьку в конце концов отправить меня, умника на восемнадцатом году жизни, на Дон, под суровую опеку дядюшки Василия Дмитриевича. И вот уже третий год мы с ним попеременно изводили друг дружку…

Но сегодняшний день был особенным, хотя бы потому, что раз и навсегда бесповоротно изменил мою судьбу, превратив из простого младшего казачьего офицера в самого настоящего характерника. Но об этом чуть позже, по порядку, а то запросто собьюсь…

– Звали, дядюшка? – Я вошёл в горницу.

– Звал?! – Мой героический родственник полулежал на турецкой оттоманке, с видимым удовольствием потягивая крепчайший кофе из глиняной кружки. Напиток на любителя, да и порция лошадиная, но старому донцу нравилось. – «Звал» не то слово… Орал, аки труба иерихонская! А ты небось опять лёг за полночь? Ох, Илюшка, не будь ты мне роднёй, хоть и дальнею, я б тя своей рукой, по-отечески так, мозги через одно место… Тьфу, прости господи мя,

грешного! Так вот бы и вправил…

– Угу, у нас всё в полку вашей рукой через это место так и вправляется, – тихо буркнул я, но дядя услышал и едва не поперхнулся кофе:

– А ну цыть! Да я тя, сукин ты сын…

– Мне маменьке так и написать?

– Чего? – сразу сдулся он, отродясь не писавший писем.

– Ну что я – сукин сын, что она моя мама и что вы нам родня!

Дядя пару минут подумал, молча отхлебнул из кружки, потом сообразил, что к чему, и разорался опять:

– Иловайский, не доводи до греха! Я ить те не токма дядька, но и полковой командир. По-свойски не обижу, а по уставу мигом в солдаты лоб забрею. А ну марш седлать коня и пулей к генералу Чернышову – получишь от него карту да какой-то пакет запечатанный – и сразу назад! Коли узнаю, что в кабаке задержался, так… Хотя-а чего уж… Лучше б ты по кабакам бегал, а книжонки твои французские до добра не доведут! Как в глаза станичникам смотреть будешь, ежели с похода скорого без единого креста на груди заявишься? Срамота! Чего девкам-то показывать станешь?

– Ну-у, видимо, то, что их интересует…

Дядя ещё раз поперхнулся кофе и, отдышавшись, рявкнул:

– Исполняй приказ, хорунжий!

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – Я ловко щёлкнул короткими шпорами, развернулся, дошёл до двери, слегка замялся на пороге…

– Чего подсказать? – не удержался генерал.

– Корень квадратный из шестнадцати? – невинно кивнул я.

Дядюшка пошёл пятнами, а кофе не в то горло…

– Во-о-он!

Полностью удовлетворённый своей маленькой победой, я выскочил во двор, на ходу бросив денщику, чтоб готовил коней. Наш полк в то время квартировал в селе Калач, дяде, разумеется, досталась лучшая хата, ну и я при нём, пусть в сенях, но грех жаловаться. Казаки неспешно, без суеты занимались бытовыми делами: купали лошадей на пологом берегу, кашевары разводили огни, молодёжь пела залихватские песни о загранице и геройских деяниях под Лейпцигом и Парижем…

Я улыбнулся солнышку, поправил папаху позабекренистее, а верный Прохор уже подводил двух оседланных скакунов. И как он только всё успевает?

– Поедем, что ль, ваше благородие…

– А куда спешить-то?

– Дык его сиятельство гневаться будут, – хмыкнул он. – При всех орать, вашу мать поминать да ногами сучить, как на сковороде шкварчить!

– Поэт ты у меня, Прохор, – со вздохом признал я. – Настоящий поэт, самородок из народа, уважаю! Но только на этой кобыле я не поеду…

– Да отчего ж так?

– Она меня позавчера укусила! Причём сзади по-подлому подкралась, тяпнула – и дёру… А мне до сих пор сидеть больно. Показать?

– Нет, – решительно отказался денщик.

– Тогда веди её обратно, а мне дядюшкиного араба оседлай.

– Смилуйтесь, ваше благородие, да можно ли?! Ить гнеральский конь – глаза как огонь, землицы не пашет, не ходит, а пляшет, на нём всякий конник и чёрта догонит!

– Вот именно. – Я наставительно поднял вверх указательный палец. – Дядюшка отдыхает, ему араб ни к чему, а меня генерал Чернышов уже ждёт с распростёртыми объятиями. Давай, давай…

– И всё ж таки…

– Прохор! Будь по-твоему, попробуем рассуждать логически. Мой дядя Василий Дмитриевич человек пожилой, усталый, ему больше отдыхать надо. А конь у него молодой, резвый, ему надо больше двигаться. Если я поеду на этой сволочной кобыле и она опять меня тяпнет и я предстану перед дядиным другом мрачный, злой, почёсывающийся, с прокушенными штанами, – то что он подумает о неуставных взаимоотношениях в нашем полку? А коли он напишет куда следует, да и нашлёт на нас ревизию?! Ну мало ли, вдруг ещё кого покусали, а человек и признаться стесняется… Или что у нас лошади до того голодные, что и казачьими шароварами не брезгуют? Так и до самого государя дойдёт! Дядю в отставку, офицеров под арест, весь полк в расформирование…

– Спаси-сохрани, Царица Небесная! – истово перекрестился Прохор.

– Вот видишь, а всё из-за чего? Из-за того, что ты со мной споришь по всякому пустячному вопросу. Всё, иди седлай араба.

– А его сиятельство не обидится?

– Так мы ж не его сиятельство седлаем! – прорычал я, и старого денщика будто ветром сдуло.

Буквально через пару минут он вернулся, ведя в поводу стройного пылкого жеребца арабских кровей, подарок от благодарных французов. Ну ведь может, когда надо! Главное – правильно очертить подчинённому задачу да погуще расписать ту бездну ужаса и праха, в которую он лично ввергнет мир в результате банального неподчинения…

Араб был великолепен! Белый, в яблоках, ножки как виноградная лоза, точёные копытца, казалось, можно уместить на ладони, а глаза, густо-фиолетовые, словно кубанские вишни, в обрамлении длиннющих девичьих ресниц, смотрели умно и проницательно. Прокатиться на нём было тайной мечтой всего полка, но дядюшка скупердяйничал в этом плане и, хотя сам предпочитал рослых донских скакунов, араба держал при себе для особо торжественных, парадных выездов. Глупо, согласитесь?

– Хорош, хорош… – едва дыша от восторга, похвалил я.

Конь доверчиво ткнулся плюшевым храпом мне в плечо, чем заглушил последние остатки совести, я сам резко осознал, что, забирая его без спроса, практически совершаю благое дело для всех! Он фыркнул мне в лицо, и я, не касаясь стремени, птицей взлетел в седло…

– Прохор! За мной!

Благородный скакун, не дожидаясь плети, а повинуясь лишь импульсивному движению моих коленей, с места взял в галоп. Мой бородатый денщик только присвистнул вслед, пытаясь взять тот же аллюр на своём рыжем жеребце, нахлёстывая его по натруженному крупу, но где там…

– С дороги-и, зашибу-у! – счастливо вопил я, привставая на стременах во весь рост.

Казаки обычно ездят «пистолетиком», высоко задрав поводьями голову лошади, как естественную защиту от пуль и пики, не сидя, а почти стоя в седле. Так удобнее рубиться, да и чувствуешь себя не в пример устойчивее тех же французских гусар, дерущихся, словно на живой табуретке. А ведь лошадь – существо разумное, мыслящее, с ним нельзя не считаться в бою. Поэтому донцы и выращивают себе боевого коня столь же терпеливо, как собственного ребёнка…

Вслед мне нёсся восхищенный свист (араб невероятно красивая скотина!), незатейливые проклятия (пару котлов с кашей мы успешно перевернули прямо на поваров), завистливые вздохи (а кому же не хочется так поразвлечься на генеральской собственности?) и тёплые пожелания самого разнообразного свойства – от братского «пошёл ты к едрёне-фене, хлопчик!» до сердечного

«чтоб те шею свернуть, атаманский племянничек!».

Но всё это были мелочи, кто на них обращает внимание? Мне было главное успеть пришпорить жеребца, когда за моей спиной раздался громоподобный рык непонятно чем недовольного дяди:

– Иловайски-ий, каналья! Конокра-ад!!!

– Кому это он? – на всём скаку спросил я у араба, и он так же непонимающе повёл острыми ушами. В самом деле, не возвращаться же, чтобы уточнить?!

Я вылетел за околицу, верный Прохор отстал окончательно, возможно, именно это и послужило первопричиной всех моих несчастий. И более того, целой цепи таинственных и мистических историй, о которых я принуждён вам рассказать. Почему принуждён? Да потому что молчать уже просто невмоготу!

Итак, как только я ушёл за село узкой тропкой, петляющей меж деревьев, то почти сразу же, на втором или третьем повороте, мой (или всё-таки дядин?) благородный скакун встал на дыбы, едва не сбросив меня и не сбив грудью скрюченную нищую старушенцию самой неприглядной наружности. Драная одёжка, всклокоченные волосы, загнутый клювом нос, редкие зубы и совершенно безумные глаза! Если вы хоть как-то представляете себе ведьму, так вот это точно была она самая…

* * *

– Простите великодушно, – вежливо прокричал я, пытаясь успокоить жеребца. Однако белый араб бил крупом, нервничал и даже каким-то особенным образом грозно всхрапывал в сторону отскочившей старушки, словно пытаясь отогнать её подальше. И мне бы стоило прислушаться к его животному чутью…

– Хи-хи-хи, уж больно ты прыткий, казачок, – неожиданно громко, едва ли не басом, отозвалась нищенка. – На старого человека наехал, мало не с ног сбил, конём потоптал, до смерти напугал, а уж одним прощением откупиться хочешь?

– Виноват. – Я лишний раз цыкнул на жеребца и полез шарить по карманам. – Не дурак, сей же час исправлюсь, чем могу…

А для достойного извинения было мало, копеек десять – двенадцать, потому как откуда у меня деньги? Жалованья казаки не получают, а я так вообще на полном содержании у дяди-генерала, мне наличные и на дух не положены. Но что есть отдал… не жалко!

– Всего-то? Тьфу, жмот с усиками! – искренне возмутилась старуха.

Ну не х…рна себе, а?! Двенадцать копеек – это ж больше гривенника, а хороший калач можно и за пятак прикупить. Она стала богаче на два с половиной калача, я – беднее церковной мышки, и кто после этого жмот?! Тем не менее я сдержал праведное негодование и подчёркнуто вежливо попрощался:

– Дай вам Бог, бабушка, всяческого благополучия! И жертвователей пощедрее, и не кашлять туберкулёзно, и не сопливиться гайморитно, и радикулитом в неприличной позе не страдать, и гематомой врождённой не маяться, да про опухоль на весь мозг забыть, как её и не было! А мне на службу пора…

– Ну-ну, казачок, – хрипло донеслось мне в спину, когда я уже разворачивал коня. – Пошутил ты надо мной знатно… Уж не обессудь, коли и я над тобою в ответ потешуся, дорогу твою мёртвой петлёй заверну!

– Чегось, а? – Я резко натянул поводья, но сзади уже никого не было. Старуха-нищенка словно бы провалилась сквозь землю, или воспарила, или вообще ловко залегла за пеньком, маскируясь под безобидные ромашки. Чудеса-а…

Трижды сплюнув через левое плечо, я хмыкнул и пустил араба вскачь. За рощицей на пустыре показалось маленькое сельское кладбище, дорога вела в объезд, если махну напрямки в намёт, то до штаба Чернышова доберусь менее чем за час.

Солнышко греет, птички поют, погодка чудная, на небе ни облачка, настроение вернулось мгновенно, мир снова распахнул мне разноцветные объятия зелёных лугов и голубого горизонта! Я восторженно приподнялся на стременах – хотелось петь и орать от невообразимой полноты чувств, молодости, света, горячего коня и… Пыльная дорога неожиданно встала вертикально, изогнулась под невероятным углом, качнулась на хвосте, словно азиатская кобра, и хлёстко ударила меня в лоб!

Очнулся в темноте от холода, боли в затёкшей спине и непрошеных зловещих голосов над самым ухом…

– Здеся разделаем! На поляну неча и волочить, там все накинутся, а тут и на двоих тока разок куснуть. Щас ножик от наточу, ступился о кости-то…

– А чё те ножик? Когтём его под кадыком махнём, да и вот она, кровушка! Жаль оно, что молод казачок-то, жирку не нагулял…

– Зато и мясо без холестерину! А то ить с прошлого драгуну стока изжогой мучилися, ой мамоньки-и…

– А неча было жрать непрожаренное!

– Да чья бы корова мычала, молчи уж… Сам-то крестьян прямо с лаптями ешь!

– Дык лапоть-то, он, поди, продукт натуральный, берёзовый, растительного происхождению… Может, мне в организме витаминов не хватает? Да ты режь, не томи!

– Щас, щас, режу ужо…

На последней фразе я поймал себя на том, что почти заслушался, но быстренько опомнился и сел. После чего только раскрыл глаза. Зрелище открылось настолько жуткое, что захотелось снова зажмуриться, но любопытство оказалось сильнее…

Получалось, что сижу я один посреди кладбища на какой-то древней каменной плите, солнце давно село, в сгущающихся сумерках покосившиеся кресты выглядели особенно зловеще, а прямо передо мной два низкорослых мужичка с нехорошими ухмылочками губы облупленные облизывают. Оба лысые, одеты в тряпьё, глазки маленькие красным светятся, и клыки в оскале редкие, но, видать, острые…

– Не вовремя ты, казачок, проснуться порешил. Ну да мы те веки вновь смежим, реснички пообрываем, очи ясные сталью пощекочем, – заговорил один, а другой, тяжело дыша, нервно поигрывал кривым ножом.

– Один момент, – с трудом вернув себе голос, попросил я, понимая, что до сабли сейчас не дотянусь. – Имею важное и серьёзное коммерческое предложение!

– Жизнь свою выкупить хошь? Не пройдёть…

– Это я понимаю, по-любому есть будете. Но ведь тут весь вопрос в правильном подборе специй, а у меня как раз…

Оба негодяя откровенно принюхались. Я хитро сощурился и подмигнул (безошибочный трюк, на него всегда покупаются!), и две заинтересованные, дурно пахнущие морды приблизились к моему лицу…

Хлоп! Я резко взмахнул руками, изображая ловлю мухи, – двое пустоголовых стукнулись висками друг о дружку и без стона отвалились в разные стороны.

– Станичное детство, – аккуратно отряхивая ладони, пояснил я. – Сильный не всегда умный, а скорость важнее массы. Я поповских близнецов Сеньку и Мишку восемь раз так припечатывал, да они всё равно не поумнели… Про-хо-ор!

Мой одинокий крик завяз в ночной кладбищенской прохладе. Верный денщик не отзывался. Побегав взад-вперёд, мне пришлось признать, что и араб безвозвратно утерян.

Вернуться в Калач мне никак невозможно: дядюшка сожрёт с потрохами – и будет прав, а если я сейчас попрусь через лес к лагерю генерала Чернышова, то всё равно дотопаю только под утро. Да и с какой, собственно, физиономией спешенный хорунжий Иловайский, в пыли и еловой хвое, предстанет пред титулованным другом моего дяди? Коня нет, денщика нет, взял пакет и гордо уплёлся пешим строем?! Да меня последние солдатики на смех поднимут, а ещё взашей насуют, как растратчику и дезертиру! Кстати, пришить дезертирство мне сейчас проще простого, как и неразрешённое использование не принадлежащего мне транспортного средства, то бишь арабского скакуна с простывшим следом. Вот ведь проклятое невезение, а как великолепно всё начиналось…

– Однако, – вдруг сказал я сам себе. – Если эти кровопийцы притащили меня на кладбище аж вон с той просёлочной дороги, то, возможно, они видели, куда убежал дядюшкин конь? Не такое уж он и благородное животное, кстати…

Простой донской жеребец, верно, остался бы рядом с упавшим хозяином, а этот поступил как последняя скотина. Вовремя же я успел избавить дядюшку от столь коварного французского подарочка. «Бойтесь данайцев, дары приносящих!» А ну как он бы его вот так же скинул посреди боя, под копыта вражеской конницы, и прощай, наш всеми любимый Василий Дмитриевич…

Я едва не всплакнул, представив себе эту ужасающую картину в красках – белый араб предательски вытряхивает из седла моего дорогого дядю, тот упирается руками и ногами, потом они падают и кувыркаются, публика делает ставки, и война заканчивается просто потому, что все переключились на их клоунаду, напрочь забыв, зачем и кого пришли бить… Мир вам, люди и животные!

– Тьфу ты, зараза какая, стукнет же в голову, – опомнившись, сплюнул я. После чего не поленился связать два чуть дышащих тела под локтями их же поясами и, вытащив саблю, аккуратно пошлёпал каждого плашмя по темечку.

Злодеи зашевелились…

– Подъём, прохиндеи! И как только вы посмели помыслить о нападении на казачьего офицера?! Да я вас за это… да мой дядюшка за меня…

– Не пугай, пуганые, – сипло откликнулся один.

– Хорошо, – сразу согласился я. – Не будем тратить время на перевоспитание. Давайте по существу: коня моего не видели?

– Видели, да тока не твой он боле, его сама Хозяйка приобмыслила, – сквозь зубы процедил другой. – А вот ты, ежели лёгкой смертушки хошь, так нас развяжи! Мы тя тихо зарежем, а не то чумчары прослышат, так живьём на клочки разорвут!

– Ух ты, – невольно заинтересовался я. – А поподробнее?

– Рехнулся, чё ли?! – дружно заморгали оба. – Ты, поди, хлопчик, когда с коня упал, все мозги отшиб, умертвий не боится…

– Я казак, нам вообще бояться по чину не положено. – Для порядку пришлось дать им по маковке ещё разок, вроде присмирели. – Так какая там ещё домохозяйка посмела увести моего араба? И между прочим, не лично моего даже, а самого генерала Иловайского 12-го, чей полк квартирует всего в нескольких верстах отсюда. Знаете, как он наказывает конокрадов?

Лысые переглянулись. По их плоским мордам скользнула некая неуверенность. Собственно, это был явный отголосок моих сомнений, потому что если вдуматься, то кто у нас первым спёр этого самого злосчастного жеребца… Вот именно.

– Тама твоя коняга, – наконец решился один, кивая на плиту. – Под землёю.

– Да вы что, его… закопали, что ли? Целиком, с копытами?!

– Чё пристал? – огрызнулся второй. – Сказано те, Хозяйка прибрала, она всё к себе под загашник волочёт. И тя бы унесла на котлетки, да мы поперёд успели, укрыли в бурьяне. Думали, хоть перекусим свежатинкой. А ты сразу драться…

– Да вы кто? – запоздало спросил я.

– Мы-то? Упыри.

– Э-э… вампиры, что ли?

– Вампиры – энто худобень иноземная, – презрительно сморщились оба. – В манишках ходют, руки перед едой полощут, губы салфеткой утирают, им с нашим братом и в один сортир сходить зазорно… А мы тут упыри местные, у нас всё по-простому, без выпендрёжности – кого пристукнем, да где поймали, там и сожрём!

– Патриоты, значит?

– Ага.

– Но кровопийцы по сути?

– На том и стоим.

– То есть нечисть вы поганая и есть! – Я гневно поднял над головой саблю, намереваясь одним ударом избавить мир от двух негодяев сразу, но… Заунывный вой, леденящий душу, не собачий, не волчий, а таинственно нечеловеческий и человеческий одновременно, переливами взвился над испуганно замершей луной.

– Тьфу ты, дождалися… Чумчары пришли!

В сумерках мелькнули тощие, плохо различимые фигуры, скрюченные, горбатые, с длинными руками до колен.

– От не послушался ты нас, казачок, – с укором простонал самый говорливый. – А щас они кучей-то набегут, так ты лютую смерть примешь, тута небось саблею не отмашешься. Энти мигранты ить человека рвут бесчинно, и сами вечно голодны, и с нами не поделятся, даже пальчика погрызть не оставят!

– Сколько ни живи, а помирать всё равно придётс… – начал было я, но второй завопил так, что мне пришлось заткнуться со своими пофигистическими взглядами.

– Офонарел, хорунжий?! Всё б ему помирать! А ну как те кобели горбатые и нас вниманием не помилуют? Мы ить связаны, а им всё одно в добычу!

– Ваши предложения? – прокашлялся я. Умирать и близко не хотелось, так, понты…

– Айда с нами в могилу!

– Куда?!

Упыри бодро вскочили на ноги, упали, вскочили ещё раз и ещё раз упали (неудобно же, когда связаны спиной к спине), а затем с руганью и причитаниями кое-как навалились лбами на каменную плиту, сдвигая её в сторону. К моему немалому удивлению, из-под земли бил слабый свет…

– Интересное дело-о, – задумчиво протянул я. – Стало быть, у вас там подземный мир, затерянная цивилизация, зона перехода миров и слияния вселенных, куда обычному человеку вход воспрещён, ибо Платон, великий мыслитель, учит нас не доверять непро…

– Верёвки разруби! Апосля и философствуй, ирод!

Вой стал насыщенней и громче, в нём отчётливо слышались скрежещущие звуки смыкающихся клыков и липкое захлёбывание голодной слюной.

Один взмах клинка – и лысые ринулись на свободу! То есть резко сдвинули плиту и поочерёдно сиганули в широкую щель.

Я на мгновение замешкался, да и кто бы не притормозил на моём месте – как можно очертя голову прыгать неизвестно куда, в разверстую пасть могилы, за двумя отпетыми кровопийцами, искренне гордящимися тем, что они простонародные упыри?!

В тот же миг отточенная сталь выскользнула из ножен. Я обернулся даже не на шорох (тварь подкралась совершенно бесшумно), а скорее на едва уловимое движение воздуха. Батюшкина сабля в моей руке взметнулась над головой ещё до того, как я полностью увидел, кого рассекаю едва ли не напополам! Ох и жуткое это оказалось существо…

Василий Дмитриевич был прав, мы, Иловайские, труса не праздновали никогда. Я не любил военную службу, но по необходимости рубился, стрелял и джигитовал не хуже любого казака в полку. Потому и второму нападавшему смахнул с плеч башку, не задавая вопросов и не впадая в сентиментальности.

Война так война! Третья тварь успела сдержать порыв и злобно зашипела что-то нечленораздельное…

– Надеюсь, после твоего рождения папа кастрировал себя сам, не дожидаясь решения суда? – больше утвердительно, чем вопросительно заявил я этому самому чумчаре.

Прозвание подходило, в нашем русском пантеоне сказочной нечисти такие уроды не попадались. Горбат, сутул, волосы висят грязными лохмами, глаза круглые, рот до ушей, носа вообще нет, а руки длинные и с загнутыми острыми когтями. Наверняка повивальную бабку просто в обморок бросило, а оно, пользуясь моментом, и уползло…

Спереди, сзади, справа и слева раздался нарастающий топот, – видимо, лысые не врали, говоря, что эти пакостники охотятся кучей. Чуя близкое подкрепление, тварь бросилась мне на грудь! Ну и напоролась, естественно…

Я стряхнул её с клинка прямым ударом кулака в лоб и, не мешкая, нырнул в могилу. Каменный свод над моей головой встал на место, и торжествующий вой нападавших мгновенно сменился на разочарованно-озлобленный. А потом раздалось удовлетворённое чавканье, хотя, может, мне это просто и показалось…

* * *

Двое упырей деловито отряхнулись и кивнули в мою сторону уже как старому знакомому.

В могиле оказалось довольно уютно. Впрочем, наверное, это и не могила была вовсе, а довольно чистенькая узкая глинобитная комнатка с глухими стенами и широкими ступенями, ведущими куда-то вниз, к свету. Странно звучит, да что ж поделаешь, коли так оно и было…

– Так ты чё, казачок, точно с нами?

– Любопытство – двигатель прогресса! – наукоёмко ответил я, демонстративно вытирая клинок об их рваные одежды. Намёк был понят. Если в их головах и зрели нехорошие мыслишки на предмет ужина мною (хорунжий в собственном соку), то теперь мужички передумали резко и надолго.

Но, как оказалось, всё-таки не навсегда…

– И чё нам к Хозяйке сразу казачка вести, она ить не поделится, а добыча наша. Наша, мы нашли, нам половина!

– Тихо ты, пеньком стукнутый, услышит ещё… А сабля у него вона сам видел какая: разок махнёт – и лови твою башку за уши, пока она по ступенькам прыгает…

– А чё делать-то, чё делать? Может, рискнём, да и завернём ему шею набекрень, нас-то двое, а он один. Небось управимся?

– Он троих горбатых в единую минуту завалил, да ещё и обхамил без стеснения! Время выждать надобно, тогда и завалим со всей гарантией…

Лично я делал вид, что не слышу. И вовсе не потому, что все мы, Иловайские, такие уж хитромудрые, просто казачий менталитет рекомендует беречь нервы, а значит, просто не замечать проблемы в упор, пока она не встанет во весь рост и не скажет: «Покусаю!»

Ну, положим, поубивал бы я их сейчас непонятно где, на спуске неизвестно куда, в таинственное подземелье, и что толку? Плёлся бы дальше один, а так хоть с какой-никакой, а компанией.

Мне как-то не сразу вспомнилось, что, по сути дела, иду я куда-то вниз с двумя изменническими упырями, коня потерял, к генералу Чернышову не добрался, а значит, дядюшкин приказ не выполнил. За что меня никто по головке не погладит, ибо государева армия есть мероприятие серьёзное, легкомыслия да баловства не прощающее…

– Куда спускаемся, душегубцы?

– Куда-куда, в оборотный мир, ужо недалёко, поди, осталось.

– А что там? – продолжал любопытствовать я.

– Такая ж жизнь, как и наверху, тока без свету божьего, – не оборачиваясь, пояснили лысые. – Ты энто, главное дело, за нас держись да железкой своей острою не маши где ни попадя. А коли Хозяйке глянешься, так ещё и барышу огребёшь безмерно…

– Огребать – это мы привычные, – сам себе под нос буркнул я, так как действительно имел в этом плане большой и печальный опыт. – А что она за человек, эта ваша Хозяйка?

– Да кто ж тебе сказал, что она человек, – хихикнули упыри, и свет, идущий снизу, стал заметно ярче. Вроде бы даже потеплело, по крайней мере, моя голова под форменной папахой явно взопрела.

Интересно, а какая она из себя, эта Хозяйка? Как упыри или посимпатичнее? И зачем ей понадобился мой конь, куда под землёй скакать, по пещерам разве что… Ладно, дойдём, всё увидим, какой смысл лишние вопросы задавать.

Я переключился и даже успел подумать о себе отстранённо, в третьем лице. Например, почему этот молодой человек так спокоен? Неужели ему совсем, ни капельки не страшно? Страшно, конечно, но только не смерти безвременной, не могильных ужасов и не пугающей неизвестности, а как раз того, что я преотличнейше знаю.

Дядя! Вот кого стоило бояться всерьёз. И не порки нагайкой (было, пережил), не угроз забрить в солдаты (он казака ни за что в пехоту не отдаст!), а просто… Ему будет очень стыдно за меня перед станичниками, и судить старики будут именно его! Как же, он старший, он атаман, он всему полку за батьку, а собственного племяша на ум-разум наставить не смог…

Но, может, Прохор, наверняка до сих пор разыскивающий меня повсюду, набредёт на кладбище на три порубанных тела и доложит, что я хотя бы героически защищался?

– Поди, чумчары своих мертвецов и схарчили ужо…

– А то! Они ить всё жрут, что кровью пахнет. Да и то, ежели вдуматься, чё ж свежей убоине пропадать?

Хм… Получается, что я всё одно по пояс в навозе и следов моих подвигов попросту нет, их съели. Пришлось мысленно вернуться к старой теме. Дядя у меня хороший, любит меня, как паршивую овцу, но ведь всё-таки любит. Хоть и стыдится моего шалопайства, но не выгнал с глаз долой, а мог бы, мог! Ладно, пусть накажет, в конце концов, в казачьих полках любимчиков держать не

принято, главное, чтоб простил…

– А кто они, эти чумчары?

– От ить казак пошёл необразованный… Вампиров он, значитца, знает, а своих умертвий нет! – надулся один упырь, но второй за меня заступился:

– Зря хлопца хаешь, оно ж ясно, что чумчары не из наших краёв будут. Пришлые они. Ни закону, ни порядку не разумеют, голодуют вечно, живут набегами, а сами то ли турки, то ли молдаване, то ли ещё какие западенцы с земель неместных…

– Чего ж не прогоните?

Мой логичный вопрос остался без ответа, лысые просто перевели тему:

– Ты сам-то кто будешь? Что казак да хорунжий, про то ведаем, в чинах разумение имеем, немало вашего брата военного навидалися, а кое-кем и прикормилися… Имя-то у тебя есть?

– Илья Иловайский. А вас как звать?

– А тебе что с того?

– Ну-у, – я выразительно похлопал ладонью по эфесу старой сабли, – вдруг да помрёте оба разом, так хоть буду знать, что написать на могилке…

– Он – Шлёма, я – Моня, – нехотя признался тот, что пониже. По-моему, это было их единственное различие, а так почти что близнецы.

– Имена у вас какие-то не кондовые…

– Уж как назвали, так и назвали! Все претензии к папке да мамке, а мы за их фантазии безответные. А тя чё не устраивает-то?

– Да ничего по большому счёту, – невнятно пробормотал я. – На земле российской евреи много хорошего сделали, так чего уж там, оставайтесь… Двух упырей-иудеев как-нибудь перетерпим.

– А мы и не они!

– Угу, я так и поверил…

Антисемитский спор мигом прекратился, потому что мы куда-то пришли. Спуск закончился, и перед нами открылась просторная зала, освещённая огромными факелами, горящими почему-то зелёным пламенем. На стенах странные рисунки, вроде как и каракули детские, а со смыслом. Люди чудны?е, с тремя глазами и тонкими палочками на голове, лошади громадные, у некоторых по шесть ног, а у кого и колёса под брюхом, дома на доме, на доме, на доме и ещё двадцать раз, словно коробка глазастая, ну и такое всё непонятное…

Но зато в толстом слое пыли и гари на полу четко отпечатались изящные следы конских копыт. Мой араб! Я удовлетворённо подкрутил тонкий ус: приятно осознавать, что не всё ещё потеряно и есть шанс вернуться к дядюшке на коне, с картой и пакетом. Ха!

Оставалось раздуть грудь, как королевский павлин, и, опережая обоих лысых, рвануть к арке. Ну соответственно и нарваться – на допотопное дуло кремнёвого ружья, уставившегося мне прямо в нос!

– Стой, стрелять бу…

Я чисто рефлекторно схватил правой рукой ствол, мягко потянул на себя и что есть силы толкнул назад. Кто-то за аркой, получив прикладом своего же ружья по зубам, рухнул навзничь! Грохнул выстрел, но пуля ушла в потолок, осыпав нас известью и песком…

– И впрямь стрельнул, как обещался, – задумчиво протянул тот, что пониже, значит, Моня. – А ить я завсегда думал, шо оно у него не заряжено. Ты бы, казачок, руки б не распускал по кажному поводу. Чай, не дома, а в гостях…

– Так он вроде… первым начал, – неуклюже извинился я. Ну в том плане, что у нас на Дону такие слова в принципе считаются извинением. Хотя и произносят их обычно над бездыханным телом.

– А сморчок-то жив, от ить фокус! – шагнув за арку, объявил Шлёма.

Действительно, рядом со старинным армейским мушкетом распростёрся мелкий бес классического телосложения, с рыжеватой шёрсткой, кривыми рожками и разноцветными глазами, сведёнными в кучку над скособоченным пятачком. Когда бедолага сфокусировал зрение и толком разглядел нас с упырями, то почему-то решил, что я у них в плену…

– Вы щё, головы еловые, за швоими коншервами не шмотрите? Он шы меня прямиком по поджубальнику шандарахнул! Шуть не убил, на пошту, при ишполнении! Яжык прикушил аш…

– А он не наш, он с нами. Чуешь разницу, шепелявый?

– Будешь дражнитьша, вопще ничё не буду говор… Шо?! Это как ше – ш вами?! – не сразу понял бесёнок, но вскочил на тонкие ножки без посторонней помощи. – Вы тут шё, офонарели, да?! Шивого кажака к шамой Хожайке в дом вешти… А ну как он больной?!

– Тока слегка на голову, но у них в полку, видать, все такие, – несколько смутились лысые. – Слышь, Иловайский, а и то правда, давай мы те хоть табличку спереди повесим: «Осторожно, злой хорунжий!»

– Брехня, мы добрые. – Я беззлобно пнул под колено беса и поинтересовался: – А ну отвечай, нечисть мелкая, ты тут моего коня не видел?

– Да шо ш он у ваш вшё время дерётша? – злобно почёсываясь, взвыл охранничек. – Щас как дам ружжом по башке шдачи, шпрот шо шпорами!

Я примерился для повторного образовательного пинка, раз не соображает, и бесёнок быстренько сменил тон:

– Ходил тут конь. Молодой, крашивый, Хожайка шверху привела. Бумаг при нём не было, машть белая, швоя, не перекрашенный, откуль мне жнать, шо он в угоне?!

– Свидетелем будешь?

– Шупротив кого, Хожайки, шо ли?! Как есть больной, шочувштвую… Ш детштва так или много падал?

– Но хоть сослаться на тебя можно?

– Жапрошто! А тока на шуде ото вшего отопрушя!

– Да плюнь ты на него, хорунжий, пошли ужо.. – отмахнулся Шлёма.

– Я те плюну! Я те пошлю, иуды, ижменники! – окончательно взвился бесёнок, споро перезаряжая ружьё и осторожно косясь на мой сапог. Наив розовоцветный! Лучше б он за моими руками следил…

– Ну леший с тобой, не хочешь помогать – не больно надо.

Я протолкнул обоих упырей за арку. Пусть первыми идут, вдруг там медвежий капкан или волчья яма? Потом задержался на секундочку, дабы, прощаясь, почесать беса меж рогов. Шумно обалдев от такой фамильярности, он едва не взвился винтом, поджав хвост и, соответственно, не заметив, как я опустил пригоршню песка в ствол…

– Если передумаешь, догоняй!

– Пуля догонит, – без малейшей шепелявости донеслось нам вслед.

На звук взводимого курка лысые с криками рухнули ничком, лихорадочно пытаясь зарыться в каменистую землю. Получалось не очень удачно…

– Ложись, казачок, пристрелит ить!

– С чего бы? – чуть пригнувшись, улыбнулся я. – Мы ведь вроде только-только познакомились и даже где-то подружились…

– С кем, с бесом, чё ли?! Да ихнему брату верить – себя не уважать! Ща как шмальнёт…

– И шмальну! – грозно раздалось сзади, после чего почти секунда в секунду грохнул выстрел!

* * *

Ну, по крайней мере, это была попытка выстрела, скорее похожая на взрыв новогодней хлопушки. Шибануло неслабо – мелкий бес стоял позади нас с круглыми глазами, всеми (то есть на всём теле!) волосами дыбом, вместо старенького ружья в руках у него теперь была забавная железяка в форме рваной ромашки с загнутыми, обгорелыми лепестками. Слов на нас он не находил, так, открывал и закрывал щербатую пасть, не в силах определиться с матерным эквивалентом переполнявших его эмоций.

Судьба твоя такая, парень, за оружием ухаживать надо, у нас в станице это была самая безобиднейшая шутка, и никто не обижался. Правда, пороли за неё-о…

– Пятачок протри, охранничек, закоптился весь, – дружелюбно посоветовал я. – И цветочек этот авторский в вазочку поставь, а себе взамен хоть сачок для ловли бабочек за хутором выпроси в арсенале. Всё больше толку, да и сам не покалечишься…

– Убью-у! – истерически заверещал бес, бросаясь на меня врукопашную. Но неудачно запнулся о собственный хвост, упал и был пристукнут сверху своим же ружьём.

– Пошли, ребята, – на ходу бросил я поднимающимся упырям. – Нам тут больше делать нечего, что смогли – наворотили…

– Я ищщё живой! – слабо донеслось из-под тяжёлого приклада.

– От ить неугомонный, – фыркнули два рослых красавца с длинными каштановыми кудрями, в чистеньких рубашках под расшитый пояс, штанах в полосочку и начищенных сапогах. Глядя на мой ошарашенный вид, оба парня гордо расхохотались: – Али не признал, хорунжий? Ну-ка соображалку-то включи, у нас тут, в оборотном мире, всё не как у людей. За порог шагнул, вот те и чудеса, лопушок…

– Да ну тя! Чё зря давишь на хлопца? Мы энто, Иловайский, мы. Не бойся, не укусим покуда, свои как-никак…

– Моня? Шлёма?!

– А то! – Они оба подбоченились и выгнули грудь.

– Но… как же такое, глазам своим не верю!

– От это правильно, – снисходительно кивнул тот, что повыше, значит, Шлёма. – Ты ж арку прошёл, а опосля её всё меняется. Мы теперя те видимся небось побогаче да покрасивше, а ты нам – чунькой затрапезною, немытою, нестриженой, неухоженной, неопрятной, непродуманною, не… Эй, чё сразу за саблю-то?!

– А ты его не заводи, – наставительно вступился за меня Моня, он вообще чаще держал мою сторону. – Чую я, пригодится нам энтот казачок, когда у Хозяйки права качать будем.

Я молча отвёл клинок от римского носа бывшего упыря. Действительно, что-то горячусь не по делу, нельзя так.

Спокойнее надо быть, уравновешеннее, а то хвататься за оружие при каждом удобном (неудобном) моменте явно дурной тон. Свидетельствует о перенапряжении нервной системы, беспочвенных страхах и неоправданной интеллигентской чувствительности, если не сказать слюнявости.

Мой дядя интеллигентов на дух не переносил, справедливо считая излишнее самокопание первым признаком вырождения нации. И в чём-то был прав… По крайней мере, все встречавшиеся мне интеллигенты (офицеры, врачи, студенты,

учителя) обладали одной общей неприятной привычкой: они плакали над судьбой русского народа, но тут же на все лады кляли Россию, опуская её перед высокомерной Польшей, снисходительной Германией, безалаберной Францией и спесивой Великобританией!

Мы, казаки, смотрим на жизнь честней и прямолинейней, и если уж любим Отечество, то без условий и оглядок…

– Вот как дам по зубам обоим, если не объяснитесь, – невежливо начал я.

Упыри пожали плечами, и Моня, сделав знак идти за ним, попытался пространно всё рассказать. Меня оно не удовлетворило. В смысле всё равно туманно, невразумительно, ненаучно и не до конца…

– Тут ить мир другой, оборотный, и мы в нём, стал быть, другие. Кем захотим, теми и прикинемся. Воздух тута такой, чародейству весьма пользительный, а может, и излучение какое подземное прёт. Здеся нас от живых людей нипочём не отличишь!

– А я?

– Чё ты?

– Ну меня он зачем чунькой затрапезною обозвал? Я ж не изменился вроде…

– Ой, а ты ужо и губы надул, – насмешливо хлопнул меня по плечу кудрявый Моня. – Обиделся, аки дитё малое, вон уж и сабелькой мстить собрался. Да не чунька ты, не чунька, от зависти он тя поддел. Нам-то небось тока тут в красоте да богачестве щеголять, а наверху морду под личину не скроешь. Хотя чумчары, говорят, могут…

– Это те, что… – я выразительно ткнул пальцем вверх, – которых мне пришлось слегка покрошить в порядке разумных мер самообороны?

– Ага, тока зазря ты с ними так-то, – вступил в разговор второй упырь-красавец. – Чумчары, они злопамятные и долгопомнящие, теперя везде тя искать будут, покуда не решат!

– Чего не решат?

– Тебя! У них хучь носов и нет, а запахи чуют любой легавой на зависть…

– И что ж мне теперь, застрелиться от их любви?

– Беречься тебе надо, хорунжий, – честно предупредили оба. – Щас твоя жизня и копейки медной не стоит, ты сам уже под землёй, а наверху тя чумчары всей кодлой дожидаются. Может, махнёшь рукой, да и нам на прокорм сдашься? Мы-то те, поди, не чужие будем, почти ить родственники! Нет? Ну как хошь, наше дело предложить…

Мы свернули в какой-то узенький проход и буквально через пять-шесть минут вышли к настоящему сказочному городу. Ей-богу, я даже невольно перекрестился, но наваждение не сгинуло, а, наоборот, обрушилось на меня всей своей пугающей реальностью.

Прямо перед нами, не более чем в получасе ходьбы, возвышался самый прекрасный из всех виденных мною городов! Пусть, конечно, я не так много видел, но… высокие белые стены, стройные дома, горящие золотом шпили, разноцветные крыши башен, шумящие кроны деревьев – всё это завораживало и покоряло! Вокруг разливалась какая-то неуловимая аура света, тепла и благорасположенности, буквально озаряя это дивное место.

Я встал разинув рот, едва дыша от восторга и умиления. Моня и Шлёма одновременно покрутили пальчиками у виска:

– Мы ж те говорили, казачок, тута всё как есть одна голая видимость, обман, иллюзия. Держись за нами, короче… О, глянь-кась, от и первая иллюзия сюда обеими ногами чешет!

Я обернулся в указанную сторону. Слева от нас по узкой тропиночке, грациозно покачивая бёдрами, шла стройная красавица в простом крестьянском платье. Лицо, фигура, взгляд, формы – всё в ней вызывало желание и трепет! Да таких красавиц на всём белом свете и десятка не сыщется! Я невольно поймал себя на том, что не свожу с неё масленых глаз…

– От так они нашего брата и зажёвывают, – философски вздохнул Шлёма и неожиданно громко рявкнул: – А ну отвали, грымза липучая, энто наш хорунжий!

– Ой, внучек, да куды ж вам двоим-то стока мяса?! – звонким, словно хрустальные зимние бубенчики, голоском взмолилась красавица. – Всё одно Хозяйка отберёт, чё ж жадничать? Чай, я, беззубая, много не съем…

– Пошла прочь, Фроська-попрошайка!

– Ну хучь косточку бедренную на супец? Я ить его первая заприметила, я ему дорогу завернула. – Девушка встала передо мной вплотную, и я вдруг с ужасом вспомнил, где мог видеть этот пронзительный взгляд. – Ну а ты сам, казачок, нешто не уступишь бабушке? Бабушка голодная, бабушка кушать хочет, бабушка уже неделю, почитай, как свежей кровушки не лизнула. Возьми сабельку острую да своею рукой и обруби кусок, какой не жалко. Лучше филейный! Ну не жмотничай, ты ж небось благородный, давай не слушай их, режь, да помясистее…

– Пошла вон, синявка с плесенью, – дружно замахнулись на неё мои знакомцы, а я так и стоял столб столбом, протирая глаза, веря и не веря всему происходящему. Неужели эта прекрасная девушка Ефросинья на самом деле и есть та злобная старушенция, что сбила меня с пути? Неужели в этом оборотном мире действительно так легко обмануться? Неужели моя единственная защита и опора здесь – это двое нахальных упырей, имеющих свой гастрономический интерес к моей скромно-упитанной персоне?

– Ох, да хоть ухо ему откусить дайте, волки заразные! – Отчаянно застонав, красавица всем бюстом кинулась мне на грудь. – Хрящику живого на холодец хотца-а!

Я даже не успел вытащить саблю, как нежные девичьи губки раскрылись прямо перед моим носом, демонстрируя восхитительные ровные зубки и… Два кудрявых молодца вцепились в неё с обеих сторон, оттаскивая и матерясь.

– Жлобьё! Субъекты неотёсанные! Тока хрящик! Да тьфу на вас, тьфу на вас, тьфу!

Один прямолинейный плевок ровнёхонько угодил мне в глаз. Боль была такая, что я завопил, как перепуганный заяц. Щипало немилосердно, словно бы мне плеснули под веко чистого спирту или сунули горящую спичку. Но когда я кое-как проморгался, протёр глаз кулаком и слёзы смыли жжение, то…

Силы небесные, что это?!

Я вдруг увидел ту же самую девушку как будто размытой, а внутри её чёткий чёрный силуэт крючконосой старухи-ведьмы! Она отчаянно пиналась, отбиваясь от двух высоких парней, внутри которых угадывались знакомые черты моих упырей! Вот те на…

Я закрыл левый глаз – теперь были ясно видны красивые личины всей троицы. Закрыл правый – а вот левым я отличнейше видел их в истинном облике, без всяких личин! Если же смотреть обоими глазами, то полученная картинка размывалась надвое, но зато сразу становилось понятно, кто за кем прячется…

– Слышь, ты чё наделала, корова лишаистая?! Он ить теперь нас как есть видит!

– Упс… – по-иноземному извинилась девушка. – Чё, и впрямь попала, чё ли? Ну уж простите старую, не по злобе, а по прихоти случайной голодной слюной не промахнулася. А может, оно у него само пройдёт? Я б тогда отвлекла, вы напоили, да все вместе и воспользовались, ко всеобщему удовлетворению…

– Ты чё порешь, извращенка озабоченная, – даже покраснели Моня и Шлёма. – Мы, чай, не такие, не верь ей, хорунжий! А ты пошла отсель, покуда не накостыляли! От пакостница, надо ж…

Красавица-старуха два в одном, злобно шипя, захромала по тропиночке назад, в сторону города. Я во время всего этого препохабнейшего действа молчал в тряпочку, ни во что не вмешиваясь и лишь пытаясь удержать собственный рассудок в трезвости и порядке. Стоило бы, наверное, выпить стопочку, да не было. Ладно, попробуем принять всё как есть. Играем теми картами, которые нам раздала капризница Судьба…

– Бабка Фрося… вишь как скоренько лаптями перебирает, – грустно отметил Шлёма, почёсывая в затылке, – щас небось всех перебаламутит, чё мы живого человека в оборотный город ведём. Понабегут же все с вилками да тарелками…

– В обход надоть идти, – решительно похлопал меня по плечу второй упырь. – Мы тя, Иловайский, до Хозяйки доведём, а там уж она о твоей судьбе и озаботится. Может, сразу съест, может, сперначала чем одарит да и в полюбовники себе возьмёт. Она у нас мадама своенравная, ей перечить – что с лосём в пустой избе бодаться. Всё одно догонит, прижмёт и обслюнявит!

– Так, а ну хватит всякую чушь нести, – опомнился я, как только зримо представил себя целующимся с сохатым чучелом. – Мне до вашей Хозяйки дела нет, мне коня вернуть надо. А ну пошли! И пусть только кто попробует остановить – на один взмах откочерыжу кочерыжку!

– Энто он… про голову, чё ли? – недопонял Шлёма. Моня, как смог, объяснил другу на ухо, и тот предпочёл быстренько мне улыбнуться: – А и впрямь, чё мы тут застряли-то? Идём, идём, путь неблизкий, да и конь верный хорунжего изождался весь.

* * *

Вот так, бодрым размашистым шагом, мы двинулись вниз по широкому тоннелю к городской заставе, не доходя до которой шагов пятьдесят свернули влево. Упыри тут явно не в первый раз и отлично знают все тайные пути, хочешь не хочешь, а приходится им довериться. Ну не мог, не мог я появиться пред грозным дядюшкой без араба, без пакета и даже без денщика.

Кстати, надеюсь, хоть с Прохором ничего не случилось. Как встречу его, непременно извинюсь и пообещаю впредь не нестись сломя голову вскачь, забывая о старом товарище лишь потому, что у него менее резвая лошадь.

– Шабаш, братва, стопоримся! – неожиданно поднял руку Моня.

Мы замерли на полушаге.

– Мне чё в башку-то вдарило: не проведём мы его по городу, по-любому не проведём. Он ить мало того что пахнет живым, так ещё и внешне кровь с молоком! Порвут его нам, как есть порвут на лоскутное одеяло…

– А чё делать-то? Он же помирать сам отказался.

– Покойничком ему надоть стать.

– А-а, это разом, – чему-то обрадовался Шлёма, кинувшись меня душить. Естественно, мигом схлопотал по ушам, под дых и эфесом сабли в рыло.

Моня только страдальчески закатил глаза:

– От ить вечно недослушаешь, а лезешь. Поделом тебе досталося, и жалеть не буду. А ты, казачок, давай-ка помогай мне. Ща мы из тебя мигом ходячего жмурика изобразим!

Он наскрёб с белёсых стен мела и велел мне вымазать лицо и руки. Я спорить не стал, мысль и в самом деле небесполезная, а маскировкой пренебрегать нельзя, этому нас учил старый пластун с Кубани. Геройский дедок, характерник, с первого взгляда разбирающийся в людях, я у него успешно перенял пару-тройку приёмов рукопашного боя. Думал, буду учиться и впредь, да не судьба, Кондрата Фёдоровича приказом вернули на Кавказскую линию, там лютовали черкесы…

Через некоторое время на мою физиономию нельзя было глянуть без дрожи. Сам не видел, но упыри рассказывали – лицо белое, под ногтями грязь, губы чёрные, и вокруг глаз круги. Это, кстати, был дёготь с сапог, отличное средство для походного грима. Оба красавца ходили вокруг меня, как на вернисаже, искренне любуясь созданным произведением сценического искусства.

– Хорош! Ить вот прям мертвец ходячий, того гляди укусит!

– И не говори, а как глазом зыркнет, так вообще сердце заходится…

– Какое сердце, откуль?

– А так, фигурально, нельзя, чё ли?!

– Смотрите! – Я прервал болтунов, быстренько затаскивая обоих за ближайший валун. Из того самого переулочка, куда мы должны были нырнуть в обход главных ворот, выбежала бодрая толпа нежити, возглавляемая всё той же

неугомонной старухой Ефросиньей.

– Последний зуб даю, живой был хорунжий, упыри его вели! Делиться не хотели, в управу налогов на мясо не платили, документов санитарно-гигиенических на него не имеют, типа Хозяйка разберётся! Знаем мы её разборки… Никому и супчику из казачьих косточек не достанется! Сами своё возьмём, верно я говорю, ась?!

Дружный рёв двух десятков глоток существенно подчёркивал её правоту. Я, быть может в первый раз, почувствовал к упырям некое подобие благодарности. Парни сами дрожали как заячьи хвосты, но меня не сдавали. Когда ревущий и скандирующий народ скрылся за поворотом извилистой дороги, наша маленькая компания тихохонько ввинтилась в проулок, постепенно выходя к главным улицам…

Внешне ничего особо опасного в глаза не бросалось, по крайней мере на первый взгляд. Хотя, возможно, проблема как раз и была в этом самом взгляде, ведь теперь я мог видеть всё в истинном свете. Стоило зажмурить правый глаз, как чудесный город принял куда более приземлённые черты. Дома были низкими, улочки грязными и немощёными, заборы скособоченными, а случайные прохожие – типами весьма неприятной наружности.

– Щас пронырнём через вон тот закоулок, там подворотнями и до Хозяйкиного дворца рукой подать.

– А не спалимся ли? Чё-то я мандражирую, задницей беду чую…

– Моня, утешься! Кто нас будет искать в торговых рядах? Там теневой бизнес, сплошные барышники, им лишние проблемы без надобности. Айда!

Ну мы и махнули с места рысью, как и следовало ожидать угодив прямо с головой в непредвиденное обстоятельство. Очень липкое, неопрятное и перемазанное кровью…

– Ух ты, мертвец убёг!

Казалось, я врезался носом в большую мягкую стену и эта стена положила мне на плечо руку, такую тяжёлую, что колени подогнулись. Я поднял взгляд – надо мной высилась огромная туша жирного голого мужика в кожаном фартуке. В руке мясницкий тесак, запах – как от скотобойни, а на одутловатом лице светятся добрые голубые глазки. За красивую личину не прячется, себя не стыдится. А зря, без штанов же…

– Павлуша! – жалобно всхлипнули за моей спиной упыри.

Я по привычке схватился было за саблю, но два пальчика, толщиной с обух топора, легко подняли меня за шиворот на две сажени вверх.

– Хм-м… На вид мертвяк, а пахнет живой кровью, – задумчиво пробормотал гигант, покачивая меня на весу. – Ты чей будешь, человече?

– Наш он, наш! – наперегонки заскулили Моня и Шлёма, подпрыгивая внизу, как два игрушечных зайчика. – Мы его нашли, к самой Хозяйке ведём, отдай казачка, Павлушечка!

– А мне-то в последнее время поставщики одну тухлять несут, – не обращая на их вопли никакого внимания, продолжал изучать меня громила. – На кладбище нароют да и тащат, думают, раз мясная лавка, то всякий лежалый товар волоки. А у меня клиенты солидные, есть кому свежее мясо предложить, огузок, рульку, спинку, грудинку да и кости на суповой набор… Сколь хотите за него, упырче?

Мои знакомцы примолкли, видимо считая в уме.

– Стока не дам, совесть имейте, – даже не дожидаясь их ответа, честно предупредил мясник. – Половину! А то и даром заберу, он ведь сам от вас сбежал да в мои руки попал. Вы упустили, ваши сложности – fortuna caece est![1 - Судьба слепа! (лат.)]

– Dum spiro, spero[2 - Пока дышу, надеюсь (лат.).],– неожиданно в тему вспомнил я – хвала французским романам!

– Не может быть… Ты знаешь язык Цицерона и Овидия, казаче?

– Scientia est potentia![3 - Знание – это сила! (искаж. лат. scientia potestas est)] – гордо процитировал я, смиренно повиснув и не бултыхая ногами.

Мясник уважительно поставил меня на землю:

– Сражён, право слово, сражён. Встретить здесь, в нашем захолустье, хоть кого-то, знающего латынь…

– Поверьте, я удивлён не меньше вашего. – Мне удалось галантно поклониться. – Судя по скромному костюму, вы работник пищевой сферы, но ваши манеры выдают образование и начитанность. С кем имею честь?

– Павлуша энто, – тут же подкатился услужливый Моня, подобострастно косясь на моего собеседника, – мясник здешний, говорят, будто из лекарей бывших, фельдшер али костоправ…

– Патологоанатом, – застенчиво поправил его мужик. – А я кому в свою очередь имею счастье представиться?

– А энто ужо пленник наш, хорунж… – влез было Шлёма, но получил от мясника щелчком по лбу и сел. Да-а, ещё бы, таким пальцем словить – это ж прямое сотрясение! Хотя по маленькому Шлёминому мозгу, в его большой черепной коробке, ещё надо умудриться попасть, он же там перемещается по невнятно загадочной траектории…

– Хорунжий Всевеликого войска Донского Илья Иловайский! – чуть кивнул я, качнув султаном на папахе.

– А Иловайский Василий Дмитриевич тебе случайно не родня?

– Вы знали дядю?!

– Отчего же не знать, хлопче, – улыбнулся мясник, приобнимая меня за плечи и небрежно разворачивая спиной к растерянным упырям. – Даже приятельствовал одно время, покуда сюда не загремел. А ты тут чего забыл? В наши края по доброй воле редко кто забредает… Пойдём, расскажешь.

– Эй, эй! Вы куды?! Эта наш казачок! – в два голоса со слезами взвыли мои недавние провожатые, оставшиеся в ничтожестве. – Не уходи, хорунжий! Мы ж друзья, чё ты так с нами сразу…

– Какие вы ему друзья? А ну пошли вон, лиходеи! Мы тут уж сами, мы как-нибудь без вас уже, с него и одному-то…

Я как-то не сразу уловил, что меня ненавязчиво, но уверенно подталкивают к грязному, засаленному чурбачку с торчащим в нём мясницким топором. Так называемый Павлушечка без какой-либо видимой причины одним властным движением пригнул мою шею.

– Ты тока не дёргайся, не робей, больно не будет. – Здоровяк ласково похлопал меня по спине, как скотину на убое. – И ногами не елозь, не ровён час, подтолкнёшь, и я те ухо поцарапаю, товар уж не сортовой будет. А так и срез аккуратненький, и лезвие чистенькое, и всем меньше хлопот…

– Да вы что… вы как же… говорили, что с дядей моим… дружили! – вырываясь, хрипел я (против лап мясника было мне как воробышку против коршуна).

– А что, хлопче, мы и чаи с ним гоняли, да тока он же меня и обидел зазря, со службы прогнал, да за пустячный проступок – сболтнул ему кто, что я кровь человечью пью. Ну пью, люблю это дело, да и для дёсен полезно. А он меня взашей… нельзя так!

Мясник одной рукой попытался поднять над моей головой тяжёлый топор, но не сумел – оба красавца-упыря повисли на обухе, упираясь и вопя как недорезанные:

– Энто наш хорунжий! Пусти Илюшку, кабаняра обманчивый, зубр сопливистый, удод комнатный! А то мы за себя не отвечаем, мы в гневе страшные, у нас грязь под ногтями, мы ить и заразить можем!

– Да вы чё, упырче, сдурели?

Один небрежный поворот плеча – и оба парня разлетелись в разные стороны. Я изогнулся, пнув злодея пяткой в пах! Вот ей-богу, попал в нужное место и

каблуком и шпорой, а без толку… Либо у него там всё твердокаменное, либо он притерпелся, либо… не живой?! Точно, они ведь там все нежить!

– Помолиться хоть можно? – почти смиряясь с неизбежным, прорычал я.

– Лишнее оно, поверь уж, – сочувственно прогудел Павлуша, вновь примериваясь топором. Вот только махнуть им не успел…

– Ага! Вона они где! В мясную лавку без нас казачка запродать порешили! Обманули бабушку! Хватай, народ, кто чё откусить су-ме-э-эт!!! – истерично раздалось на весь переулочек, и нас буквально захлестнула рокочущая толпа воодушевлённой нечисти.

Меня смело волной и покатило по неровной мостовой, закрутив вместе с чурбаком, мясником, бесноватой нищенкой, обоими упырями, бесами, ведьмами, вурдалаками, живыми мертвецами и прочими местными жителями. Кто где как кого хватает, бьёт, держит, ловит – разобрать невозможно, да и не до того, знаете ли, хотя всем интересно, все участвуют, всех понять можно…

* * *

Я уже мысленно распрощался с жизнью, потому как сожрут непременно, не те, так эти, не сейчас, так в любую минуту. Папаху, естественно, потерял, сабля вроде ещё где-то болталась на одном ремешке, второй оборвали, три пуговицы выдрали с «мясом», а уж сколько раз меня пнули, стукнули и ущипнули за неприличное место, даже приблизительно подсчитать не возьмусь. Но зато, когда весь этот клубок рассыпался, наткнувшись на основание какого-то бронзового монумента, я первым выбрался поверх копошащихся тел и, невзирая на мат и стоны, ловко вскарабкался памятнику прямо на голову! Оттуда уже более-менее спокойно огляделся…

– Слава тебе господи наш Иисусе Христе! А не пошли бы вы все к лешему с таким неуёмным гостеприимством, – едва отдышавшись, чинно перекрестился я.

Снизу мне ответил слаженный хор неопределённых проклятий, в массе своей сводившихся к угрозе безвременной смерти от нетрадиционных блудливых домогательств к моему тылу разными непривычными слуху офицера

предметами.

– Ща его за ногу… э-э… по-татарски, э-э, поймаю, да, – гордо предложил самый высокий парень с одним рогом на лбу. Каковой я ему и снёс одним ударом сабли чистенько под корень во время его же прыжка! Парнишка страшно обиделся, отошёл в сторону и, присев на корточки в уголке, стал поливать отрубленный рог слезами…

– Ты энто, Шурик, не горюй, – попытался утешить его добрый Моня. – Не хрен было лезть к нашему казачку, он у нас нервный, видать, детство непростое. Сам первым не кидается, но и с поцелуйчиками лучше не надоедать. Вона Шлёма тоже пробовал разок-другой, теперя умный стал, цивильно ухаживать навострился, сразу за талию не жмакает, к нему у хорунжего и отношение соответственное. Учись, пока молодой…

Одумавшись, народец слегка рассосался и, более не слушая никого, сгрудился вокруг памятника. Я лично неприступно сидел меж рогов какого-то знаменитого бесюгана, готовясь к короткой, но яростной битве. Предатель Павлуша смотрел на меня снизу вверх с непередаваемым укором, вроде как я растоптал его лучшие чувства и не оценил возвышенности намерений. Ага, так бы он меня один сожрал, а теперь со всеми делиться…

– Иловайский! – в несколько голосов донеслось снизу, и я почувствовал себя жутко популярным. – Слезай, а? Поговорить надо!

– А вас там сколько?

– Да больше полусотни…

– Ну прям народный хор плесени и тряски! Можете хоровод устроить, – тепло посоветовал я. – А тему припева я подскажу охотно, например, хрен вам огородный, а не меня, добра молодца!

Кое-кто неслабо обиделся. Сбившись по кучкам, местные жители явно начали обсуждать разные нехорошие планы по снятию меня с исторического монумента. Ну что за типы, чего я им сделал, зачем сразу такие крутые наезды? И неужели я виноват лишь в том, что хочется им кушать, а у меня лично ни малейшего желания стать колбасой или пельменями?!

– Говорили ведь тебе, Иловайский, сдавайся нам, мы тихо убьём, и никаких проблем не будет, – устало покачал головой один из моих знакомых упырей. – А ты чё навертел? Скока народу взбаламутил, скока шуму поднял, теперь уж, поди, никак не отвертишься, коли кажный хоть по кусочку, а требует!

– Твои предложения, Моня?

Видимо, он не ожидал моего ответа, считая свою речь просто фигуральным выражением, но вся прочая нечисть разом воспрянула духом, оскалив клыки и навострив уши…

– Значит, особенных мыслей, как меня поделить, нет? Тогда вношу одну разумную мысль – суп! Абсолютно обычный, прозаический суп. В самом большом котле, с луком, картошкой и овощами, по оригинальному донскому рецепту, так, чтоб по тарелочке хватило всем и каждому.

– Да-а!!! – восторженно взревела публика, обнимаясь и подпрыгивая.

– Вот именно, – деловито кивнул я. – А чтоб никто не заподозрил меня в тайных махинациях – вы сами, общим голосованием, распределите, кто идёт за морковкой, кто несёт кастрюльку, кто будет разделывать моё казачье тело, кто шинковать, кто дрова подкладывать, кто варить, кто соль сыпать… Я в ваши решения не вмешиваюсь. Дерзайте!

Моня и Шлёма только ахнули сипло и без сил опустились на мостовую, страдальчески прикрыв головы руками. Эх, дурачьё недоверчивое, я ж станичный мальчик, у нас всё исстари на кругу решается, так что стадную психологию я с детства знаю, погодите минуточку, тут сейчас такое начнётся…

– Сторожить хорунжего я буду! Я бабушка старенькая, много не съем, мне верить можно, у меня всего три зуба-то и осталось…

– А ну клюв замкни, Фроська, карга недобритая! Небось желудок на семерых и жрёшь сырьём, чтоб у тя язык поганый морским узлом к носу прирос да ничем и не отклеился!

Далее имела место короткая драка на две группы плюс ещё одна потасовка из выстоявших за несколько голосов тех, кто воздержался…

– Разделывать уж я буду. У меня и опыт, и инструмент, и лавка своя, и знакомы мы с казачком по-семейному, так ить, человече?

– Обломись те с хрустом! Кто Павлушечке поверит, тот сам с собой без удовольствия… А у нас добровольных мазохистов нет! Кто ещё резать умеет?!

Да кто не умеет! Потому и следующую месиловку из цикла «все на одного» я тоже понаблюдал сверху с искренним удовольствием…

– Братцы, сестрицы, дык мы какой суп-то варить станем? Немаловажный вопрос энто. Более того, момент по сути принципиальнейший! Харчо, щи, рассольник, гороховый, гуляш в хлебе, фляки по-польски, шурпа татарская, бульон с молоком и хрящиками, а?

Толпа посовещалась и с трогательным единодушием перешла от голосования к скучному мордобитию, так что уже через какие-то пятнадцать минут на своих ногах стояли только мои упыри, чудом не принимавшие участия в развлечении. Я спокойненько спрыгнул вниз, поправил ножны, отобрал у отбуцканного колдунишки свою помятую папаху и кивнул:

– Ну так что, айда к Хозяйке! Мне без коня назад никак нельзя…

Моня и Шлёма, не сводя с меня восхищённых глаз, безропотно указали дорогу: прямо, налево, в обход побитого Павлуши, и потом сразу через перекрёсток направо. Дети, ей-богу, дети…

Вот ведь, согласитесь, я ничего такого не делаю, все мои «хитрости» яйца выеденного не стоят, у нас в станице на такое даже двухлетние хлопцы не покупаются, а эта нечисть всё принимает за чистую монету. То ли по жизни недалёкие, то ли Господь так сподобил, чтоб мы их дурили, как младенцев, то ли им самим это нравится, уже и не знаю даже…

Самому интересно, сколько я смогу так развлекаться. Ведь, по правде сказать, страшно тут. Не хочу, чтоб они меня ели, и чтоб убивали ни за что ни про что,

тоже не хочу. Обычно казаки гибнут за «Бога, царя и Отечество!», меня и это не особенно прельщает.

Просто не понимаю, какой в этом смысл. Кто и когда сказал, что любимое дело каждого казака – непременно сложить голову?! Да, мы к этому привычные, мы так воспитаны, чтоб в любой момент быть готовыми к смерти, но почему вся Россия убеждена, что нам это так уж безумно нравится?!! А вот не хотим мы умирать! У нас тоже и дом есть, жёны и дети, и сад яблоневый, и собака любимая, и книги на полке…

Но нет! Как царю в башку стукнет, так сразу вставай, казак, пой песню про тихий Дон и марш-марш строевой рысью на турецкие штыки, на прусские пушки, на чеченские шашки… Надоело! А дядюшка Василий Дмитриевич говорит, что меня за такие мысли непременно в Сибирь посадят… И ведь посадят, точно!

Так и живём, от войны к войне, без тишины, любимых глаз, в спокойном равнодушии к непременной героической смерти. Кто поймёт и пожалеет казака? Никто, кроме Господа Всевышнего, да и ему до нас дела особенного нет, у него весь мир в жалобщиках, куда уж и нам туда же…

– Ты об чём призадумался, Иловайский? – заботливо подкатился Моня.

– Да как всегда, о судьбе Родины…

– Ох и надо ж оно тебе?! – искренне удивились упыри. – Ты бы о себе думал, хорунжий! На тя весь город облизывается, сейчас вырвался, а уж от Хозяйки небось так легко не уйдёшь…

В ответ я выхватил из ножен саблю, легко прокрутил её слева направо и ловко бросил в ножны. Красавцы переглянулись, лишний раз по-братски потрепали друг другу кудри и разулыбались:

– А ты свойский парень, казачок! Ежели туго будет – нас зови, скока сможем, твою сторону держать будем! И перед Хозяйкой, и перед остальными, коли наезжать будут, и вообще, раз уж ты тут оказался да нас помиловал и чумчарам не сдал, так и мы по совести отбояримся…

Я улыбнулся в усы и поочерёдно пожал им руки. Не самые плохие ребята, хоть и кровопийцы, но мне и похуже встречались, а эти ещё терпимые…

– Ща в церкву заглянем, свечки задуем и к самой ненаглядной пожалуем, – предложил Шлёма. – Ну ты-то можешь и у дверей погодить, боишься ежели!

– Ух ты, так у вас тут и церковь есть?

– А ты думал, раз мы под землёй, так совсем уж неверующие… Небось хоть какую-то совесть, а имеем. Значитца, и в храм свой ходим, и службы справляем, детей там обратным знамением крестим, своих с плясками отпеваем, вместе с покойничком вокруг гроба, по воскресеньям в хоре ругаемся. Без религии как же, без неё и нам никуда…

* * *

Упыри едва ли не под ручку сопроводили меня в высокий величественный золотоглавый собор, при волшебном зрении иллюзия на поверку оказалась низеньким каменным сараем с покосившейся крышей и непонятным кованым уродством вместо православного креста. Не мечеть, не церковь католическая, не храм буддийский, как у калмыков, во что же они тогда веруют, а?

– Заходи. – Шлёма распахнул полуприкрытую дверь. – Да кланяться не забывай, всё ж таки молитвенное место…

– Ага, щас, разбежался. – Мне, как православному казаку, не возбранялось входить в любые храмы, но кланяемся мы только перед нашими святыми.

Внутри всё было обставлено скуповато, но со вкусом. Потолок без росписи, серый, с грязными потёками, вместо икон – выстроенные вдоль стен каменные плиты с выбитыми на них бесовскими идолами. Вместо алтаря – здоровущий пень в три обхвата, а на нём чугунная жаба с рогами!

Ради интереса я закрыл один глаз, снова открыл, закрыл другой. Иллюзия уюта и благолепия была так разительна, светлые иконописные лики казались такими реальными, что у меня защемило сердце. А вдруг весь мир нам вот так же кажется? Вдруг на самом деле весь свет кем-то придуман и нам, людям,

суждено вечно блуждать в потёмках сладких иллюзий, навязанных нам чужим разумом…

От огорчения и возмущения я плюнул на ближайшую плиту с бесом. Каменное изображение вздрогнуло и вроде бы довольно хмыкнуло…

– Правильно, Иловайский, – удовлетворённо прошептал за моей спиной Моня. – Так и надо, оказал уважение, мы ить все на них плюём, традиция такая!

Традиция?! Вот ведь влип, угодил нечистой силе, от горя и стыда я автоматически перекрестился. В тот же миг по храму-сараю словно бы пронёсся лёгкий вихрь, раздался удар грома, мимолётно сверкнула молния, и плита с изображением беса раскололась надвое! А вот это уже по-нашему, любо, казаки!

– Хорунжий, мать твою… – тихо охренели упыри, повисая на мне с двух сторон.

– Никаких грубых намёков о маме, – строго предупредил я, даже не делая попытки вырваться, а просто продолжил погромче: – Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного…

Церковь тряхнуло уже по-взрослому! Дощатый пол под ногами заходил ходуном, Моня и Шлёма ударились в крик, а откуда-то из-за алтаря выполз на четвереньках дородный русский батюшка, с рыжей бородой и голубыми глазами, строго грозя мне толстым указательным пальцем:

– Пошто бесчинствуешь, сын мой? Пошто в святом месте безобразишь?!

Ух ты… Я невольно остановился, так у этой погани пархатой ещё и свой священник есть, надо же?! Сильна земля причудами, велик промысел Господний, а отступать некуда, кругом одни упыри. Да, да, и батюшка тоже, я ж его сквозь личину как облупленного вижу! Под благообразной славянской физиономией скрывался тощий тип с горбатым носом и сросшимися бровями, то ли армянской, то ли грузинской внешности, с выдающимися клыками.

– Гамарджоба, батоно! – рискнул я.

– Гамарджоба, кинто! – не задумываясь, откликнулся он и, опомнившись, прикусил язык, да поздно…

– И какими ветрами тебя к нам в Россию занесло, урюк тбилисский?

– Э-э, зачэм так гаваришь, зачэм нехарошими словами ругаешься, – поморщился «русский» батюшка, вставая с колен и переводя неодобрительный взгляд с меня на упырей. – Каво таво притащили, а?! Он мне тут вэсь храм рушит! Всё ламаит, никого нэ уважаит, савсэм мазгов нэт, жизни нэ видал, думает, самый умный, да?!

– Прости, отец Григорий! – вступился Моня, не поднимая глаз. – Казачок наш не со зла, так, от усталости и с голодухи…

– Галодный, да?

Я вдруг подумал о том, что и вправду ел только вчера, позавтракать не успел. А за весь день и полночи даже чашку чая перехватить негде было. Желудок свело в одну минуту.

Батюшка улыбнулся и, шагнув ко мне, заботливо обнял меня за плечи:

– Нэхарашо так, кушать надо. Нэ будешь кушать, какой ты мужчина, что твая женщина скажет? Эй, маладцы, у меня там, за алтарём, мала-мала есть… ну, вино, лаваш, сир козий, зэлень, шашлык-машлык нэмножко, всё неси! Зачэм галодный быть, кушай, дарагой!

Вот, и что я, по-вашему, должен был делать? Рубить их саблей, читать молитвы, стучать себя пяткой в грудь, звеня шпорой, дескать, православный казак ни в жизнь за один стол с нечистью не сядет? А если очень есть хочется?!

– Накрываем, хорунжий! – Моня и Шлёма быстренько убрали с широкого пня бесполезную жабу, расстелили сносную скатёрочку, в четыре руки достали всё, чем был богат грузинский поп, и отец Григорий сам торжественно преподнёс мне рог, наполненный прохладным красным вином.

– Мой дед всэгда гаварил атцу, а атец гаварил мне – видишь галодный человек, сперва накарми! Гость в доме – счастье в доме! Сам патом кушать будешь, того же гостя… Но уже сытого, даволного, висёлого! И тебе вкусно, и ему нэ так абидна, да? Так випьем за то, чтоб всэгда слушать старших и уважать радителей!

Ну не мог я не выпить после такого тоста. Выпил. До дна! Не потому, что у них на Кавказе так принято, а просто иначе не умею.

– Настаящий джигит! – до слёз умилился грузинский вампир. – Будешь маим братом, кто тебя захочет абидеть – мне скажи, я их сам зарэжу!

Дальнейшие полчаса ушли на быстрое поедание остывшей баранины, проверенные временем тосты и нетрезвые клятвы в вечной дружбе. Я ел всё, что давали, не уставал благодарить, но и не забывал, с кем трапезничаю. Благодаря упырям наш поздний ужин кончился быстро, эти тоже мели со стола всё со страшной силой. За вином я бегло рассказал батюшке о своей проблеме…

– Коня у тебя забрала?! Ай, шато дэда, – шумно вспылил экспрессивный священник, лихорадочно ища что-нибудь острое. – Вставай давай! С табой пайду, всё ей скажу, пусть знает, кто она есть! Джигит бэз коня – что питица бэз крыльев! Как в горы ехать, как верхом кататься, как невеста воровать? Савсэм наглая стала, да?!

– Ох, чую, зря мы сюда припёрлися, – скорбно покачал головой Моня. – Нашему батюшке вообще пить нельзя, он ить до тебя в завязке был, а теперь, поди, весь Оборотный город на уши поставит, покуда не успокоится…

– А я бы и вообще не доверял ему, горбоносому, – вслед добавил Шлёма. – Они-то народ дружеский, да покуда их большими деньгами не поманили. А поманят, так и продадут за милую душу!

– Ну ты всех-то под одну гребёнку не чеши…

– Добрый ты, Иловайский, и доверчивый, – покачали головами упыри.

Отец Григорий, к счастью, наших разговоров не слышал; смотавшись куда-то за алтарь, он вернулся, опоясанный двумя кизлярскими шашками, с чеченским ружьём за плечами, с осетинским кинжалом до колен и в длиннокурчавой пастушьей папахе, надвинутой на самые брови. Весь этот арсенал поверх смиренной рясы православного сельского священника смотрелся просто убийственно…

– Ага! Вот он, казачок-то, попался!

Прямо на выходе из храма нас поджидала радикально настроенная толпа нечисти общим числом не менее пятнадцати – двадцати лиц, возглавляемая всё той же неутомимой старушкой. Хотел бы я иметь в её годы такую резвость и подвижничество. Оскаленные клыки, нечищеные когти, безумные глаза, злорадный хохот… но вся эта чёрная волна людоедской ненависти была в один миг остановлена коротким выстрелом поверх голов…

– Э-э, ты чё, бичо? Савсэм стыд потерял, да? Борзеем коллективно? Хорунжий – мой кунак, мамой кылянусь! Кто ему даже одным зубом улыбнётся, тот мой кровник! Всех зарэжу, да?! И прокляну патом, и от церкви отлучу, до кучи на фиг…

Должен признать, что голос грузинского батюшки, поднаторевшего на песнопениях и анафемах, звучал величаво и грозно, как рёв иерихонских труб! Нечисть дружно захлопнула хлебальники, безропотно освобождая нам дорогу. Вид отца Григория с двумя обнажёнными шашками в руках и кинжалом в больших неровных зубах был по-настоящему страшен…

– Да ну его, бешеного, – первой отступила бабка Фрося. – В горах жил, аджикой питался, в друзьях овцы да собаки, образования никакого, вся цивилизация аж в соседнем ауле, там сортир тёплый и книжки с буквами незнакомыми да бумагой мягкою…

– Ай, женщина, малчи, да! – не разжимая зубов, посоветовал вооружённый батюшка, грозно сверкая глазами.

– Молчу. Чего ж не помолчать? И в самом деле, чегой-то я, дура старая, завелась…

Мы слаженной четвёркой шли мимо их нечестивого храма, двигаясь широким шагом наискосок через площадь, по улице вниз к чернеющему впереди высокому мрачному зданию. Видимо, до самой Хозяйки, как догадался я…

– Гостя никаму трогать нэльзя! Са мной сидел, вино пил, хлеб ел, маму уважаит – хароший человек! А патом я к нему в гости приду, он мне скажет: «Садись, батоно Григорий! Мой дом – твой дом, всё бэри, всё кушай, сколько хочешь, падарков забирай, э-э…» Гаварят, у казаков всегда мясо есть – турков стреляют, немцев бьют, крымских татар рубят… Мне на шашлык многа нэ надо, а чачу к столу всегда сваю принесу, да!

Я предпочёл сделать вид, что ничего этого не слышу. С кавказскими законами гостеприимства знаком, разумеется, не понаслышке, но чтоб такое?! Делать мне больше нечего, как ему ответные пиры с человечиной на всю станицу закатывать, чурек нерусский! Но водки налью, святое дело…

– Ну вот мы и дошли вроде. – Мои упыри (жуткое словосочетание!) остановились перед массивными железными воротами. От сердца чуточку отлегло, добрались-таки…

Что странно, иллюзии на дворец Хозяйки наведено не было. Каким глазом ни смотри, всё одно и то же – построено тяжело, крепко, надёжно, без изысков, но на века! Судя по всему, тот, кому принадлежит этот дворец-крепость, может позволить себе наплевать на мнение окружающих и не утруждаться ложными красивостями. Значит, Хозяйка и впрямь особа серьёзная…

– Ты энто, казачок, от ворот отойди-ка, – тоскливо предупредил Шлёма, зябко подёргивая широкими плечами. – Тут нахрапом никак нельзя, погоди, покуда тебя заметят, оценят да в дом пригласят. А ещё лучше поклонись пониже, головы не поднимай, мало ли…

– Слушаюсь! – Я козырно щёлкнул шпорами и изо всех сил приложил ворота сапогом. Ночь на исходе, мне жеребца вернуть надо, за пакетом в штаб метнуться, а они тут китайские церемонии разводят… – А ну открывайте, конокрады, казак пришёл!

Все, кто в тот миг находился на площади – грузинский батюшка, побледневшие упыри, увязавшаяся за нами бабка со своим электоратом, заинтересованные

прохожие и даже подоспевший Павлушечка, – рухнули на мостовую, прикрывая головы руками. Над воротами поднялись две медных львиных головы, из их разверстых зевов шугануло такое неслабое пламя, что я едва успел прижаться к воротам вплотную, дабы не изжариться, как курёнок!

Когда рокочущая волна пламени пронеслась надо мной, обдав жаром и чудом не опалив белый султан на папахе, в тот же миг львы убрались обратно, и я смог от души насладиться картиной уморительного вида разнообразно подгоревшей нечисти…

Кстати, их иллюзии не пострадали абсолютно, а вот истинному облику досталось прилично. Запах палёной шерсти противно щекотал нос, у кого-то были сбриты все волосы на спине, кто-то загорел по-африкански, но на одну половину тела, кого-то оголило до смешных тряпочек и дамских панталонов с бусинками, кто-то задувал всё ещё искрящийся хвост…

Но все, все, дружно и криво улыбаясь, расползались в разные стороны, от греха подальше! Отец Григорий утёк первым, по-моему, даже за полсекунды до начала огневой атаки.

Моня и Шлёма встали со стонами, осторожно потрогали свежие ожоги на подрумяненных плешах и, не сговариваясь, начали закатывать рукава:

– Всё, достал ты нас, хорунжий…

* * *

– Иловайский?! – неожиданно раздался молодой и свежий девичий голосок откуда-то из-за ворот. – Наслышана о тебе, весь город так и гудит. Ну заходи давай, знакомиться будем!

– Э-э… кхм, – неуверенно прокашлялся я. – А прилично ли будет мне одному в дом к девице… Может, вот друзей моих для честной компании на чай прихватим?

– Облезут! – твёрдо заявил голос, и упыри радостно закивали. Типа ну её на фиг, ещё утопит в том же чае с вареньем, сам иди! – Эй, ты чего застрял? Заваливай!

Кого заваливать? Я впал в лёгкий ступор, как-то неправильно выражается эта самая Хозяйка. Но ворота раскрылись ровно настолько, чтоб мог протиснуться один человек. Я мысленно перекрестился и пошёл. Интересно же, какая она там – с десятью хвостами, писаная красавица, страшнее смерти, в чешуе змеиной или, как в греческих мифах, ничем не прикрытая…

Сразу же за воротами, шагах в пятнадцати, находилось основное здание, к нему вела аккуратная гаревая дорожка, ограждённая довольно высоким забором из острых металлических прутьев.

– Иди строго по центру, ничего не бойся. Тут у нас киндер-псы на вольном выпасе… Не мои, от прошлого доцента остались. Он-то думал, что их приручить можно, ну и доприручался, кинолог комнатный…

В принципе я понимал почти всё сказанное. Может быть, только манера речи сбивала с толку непривычностью построения фраз, а незнакомые слова я просто пропускал мимо ушей как иноземные ругательства. И потом, все равно ведь все языки славянского происхождения роднятся между собой, значит, и этот выучить можно…

– Спаси и сохрани, Царица Небесная! – едва ли не взвизгнул я, когда четыре здоровенных чёрных пса, со вздыбленной шерстью и саблезубыми клыками, беззвучно бросились на меня справа и слева. Решётки задрожали под яростным напором их могучих тел. Тигры психованные, а не собаки…

– Не смей! – грозно попросил голос, как только я схватился за саблю. – Они маленькие ещё, глупые, жрут всё, до чего дотянутся, порода такая, антинаучный эксперимент по скрещиванию межпланетных видов, за что их бить? Иди себе тихо, главное, сквозь решётку ничего не просовывай – у них не зубы, а экскаваторные ножи без наркоза!

Не знаю, что это такое. Но общую суть я уловил – идти по центру, на лай и рык не реагировать, не спотыкаться и не просовывать им палец, так, просто подразнить…

– Браво, браво, прима-балерина! – похвалили меня, когда я танцующей походкой, на цыпочках прошёл весь коридор, остановившись у зелёной двери со

стеклянным шариком на уровне глаз.

– Ручку вниз и толкай.

Я послушно опустил руки. Чем тогда толкать, плечом, что ли?

– Ещё раз, для даунов и военных, рукоятку гнутую видишь, жми её вниз. Получилось? Заходи!

Ну, со второго раза у меня всё вышло преотличнейше, просто не сталкивался с подобного рода замками. Может, где в столице оно и неудивительно, но у нас на Дону таких заморочек нет. Пнул дверь – она и открылась, а тут – опусти, нажми, дождись щелчка, плавно двинь вперёд…

– Молодец! А теперь быстренько поднимись по лестнице наверх, я тебя за компьютером жду.

Одно слово опять было непонятным. За чем-то там она меня ждёт? Надеюсь, это не название нового пыточного инструмента и не строго определенное время перекуса казаками на голодный желудок перед завтраком на ночь…

В общем, по витой металлической лесенке я практически взлетел на второй этаж, на всякий случай не убирая ладонь с рукояти сабли, но в глубине души будучи абсолютно уверенным, что обладательница столь чудного голоска не сможет причинить мне вред. Я ошибся. И не ошибся тоже. Не знаю, судите сами, у меня и так ум за разум едет…

– О, Иловайский! – радостно приветствовала меня темноволосая красавица лет девятнадцати-двадцати, с большущими очами и мягкой улыбкой и безо всяких личин. – Добрался наконец! А я уже думала, они тебя всё-таки схомячат. Третий год тут корячусь, думала, привыкну, как остальные, а нет, абзац скорлупой об стенку! Присядешь?

Я нескладно улыбнулся и сел на предложенное странное кресло на одной ножке с колёсиками, не смея поднять глаз на Хозяйку. Не то чтобы я как-то робел перед девушками, просто она же была… то есть на ней же почти ничего не было! Какая-то пёстрая сорочка в облипочку на роскошной груди и коротенькие

мужские штаны выше колен…

– Между прочим, это шорты, – несколько нервно объяснила она, хотя я её ни о чём не спрашивал. – Футболка тоже фирменная, «Nosferatu», какие проблемы и комплексы?

– Может, я пока отвернусь, а вы оденетесь?

– А я одета! – слегка покраснела она. – И чтоб ты знал, у себя дома женщина вправе ходить в чём ей удобно, хоть с аквалангом и в бигудях. Ладно, проехали, давай знакомиться. Как там у вас казаки говорят?

– Здорово дневали, – подсказал я.

– Ага, здорово дневали!

– Хотя думаю, уже вечеряли.

– Тогда здорово вечеряли! – послушно повторила девушка.

– Слава богу, – осторожно ответил я, не без опасения, что и здесь от таких слов может что-нибудь рухнуть. Однако ничего грохочущего не произошло. Я встал и, зажмурив глаза, отчаянно храбро перекрестился!

– Что, я сегодня такая страшная? – искренне огорчилась девушка. – Ты на меня ещё молитву прочти «сгинь, нечистая сила»…

– Не серчайте, барышня, просто вот осенил себя так крестным знамением в людном месте, а у ваших чуть храм не развалило.

– Да, да, было! Классно, слушай! – загорелась Хозяйка, ножкой подтолкнув моё кресло к своему столу. – Хочешь посмотреть?

Меня покатило, как поросёнка в свадебной коляске, а на столе лежала нараспашку тонкая книга без страниц. Две обложки, и всё, нижняя сплошь в буквах и знаках, а верхняя голубым сиянием светится.

– Меня Катя зовут, – как бы между прочим представилась девушка, нажимая пальчиком то на один, то на другой символ. Вспыхнули живые картинки, и я едва не заорал, увидев собственную персону в круглой рамочке, перечёркнутую красным.

– Вот сейчас прокрутим системы визуального контроля. Ты у нас зафиксирован в зоне перехода. Так, вот ты с друзьями у арки…

– Они мне не друзья.

– …вот нападение на охранника, вот драка с пожилой женщиной, инвалидкой второй группы…

– Она первая начала!

– …несанкционированное проникновение в город, ещё одна безобразная драка и ещё одна… О, красивый кадр! Ты в полный рост восседаешь на нашей главной телекоммуникационной системе, практично замаскированной под памятник!

– Они меня туда сами загнали, – устал оправдываться я, не в силах оторваться от волшебной книги. Никогда не видел себя со стороны, даже в зеркале другой эффект, а тут всё произошедшее словно ожило! Захватывает до икоты…

– А вот и храм отца Григория, смотрим его изнутри. Плюнул, перекрестился, взорвалось, начал читать молитву, вообще едва всю церковь не кокнул, с батюшкой, говоришь, пьёте? Ну да, чего я ещё ожидала? Как только где больше одного мужика, то пьянка будет по-любому… Ладно, всё, выключаю.

– Э-э, но…

– Чего?

– Ну-у, хотел спросить, может, там у вас ещё что-нибудь интересное есть? – жалобно вздохнул я. Книга закрылась…

– Давай на «ты», – с улыбкой предложила Хозяйка. – Начнём сначала, я – Катя.

– Катерина. А по отчеству?

– Просто Катя, – отмахнулась она. – А у тебя, Иловайский, имя есть или только звание да фамилия?

– Илья, но по имени меня чаще маменька называла. Сестры прозвищами разными, Прохор – вашим благородием, а дядя – строго по фамилии! Но только я к вам… к тебе вообще-то по делу…

Дальше коротенько, уложившись минут в пятнадцать, я рассказал этой удивительной и совсем не страшной девушке всё-всё-всё с того самого момента, как генерал Иловайский пытался доораться до меня утром. Где-то смеялась, где-то ойкала и, по правде говоря, вела себя как самая обыкновенная девчонка.

Пообразованнее наших, станичных, в чём-то, наверное, даже и покрасивее, жаль не православная (креста на шее нет)… и, видимо, всё равно ведьма. Читал я про таких, очаруют бюстом казака – баня, ужин, разговоры, а сами его потом на лопату и в печь…

– Так, отмазываюсь сразу по всем пунктам – коня я не воровала! – чётко расставляя акценты, начала Хозяйка. – Но он у меня. Ещё до полуночи два мелких беса стреноженного привели, хотели съесть, я в коммуникаторе увидела, дала знать, что покупаю. Чисто из любви к животным, мне тут на нём разъезжать негде. Да и по-любому предпочла бы подержанный «бентли» самой замечательной лошади, у них тормозов нет, понесёт ещё…

– Вот и ладушки, – рано обрадовался я. – То есть могу забрать?

– Валяй, не жалко… – тихо вздохнула она, глядя в сторону. – Только тебе самому отсюда выйти нельзя. Понимаешь, у меня работа такая, сволочная работа. Всего объяснить не смогу, не поймёшь ты, да и не надо оно тебе… Короче, пока я тут за главную, мне надо порядок поддерживать, а вот вмешиваться с миротворческими функциями нельзя. Начальство по головке не погладит, а местным дебилам только покажи, что я добрая, – сожрут с потрохами!

– Значит, всё одно меня съесть обязана?! Для поддержания уважения к властям? Так давай я своей рукой сердце вырежу, чтоб тебе ладошки не пачкать…

– Ой, вот не надо этого, – поморщилась Хозяйка. – Думаешь, ты первый сюда попал? И до тебя всякие были – с истериками, патетикой, театральщиной, даже с «любовью с первого взгляда», только не убивай! Не убью, не дёргайся. Я вообще никого не убиваю. Стараюсь в доме спрятать, а там, как повезёт, наружу вытолкать. Но так, чтоб сегодня же сразу и тебя, и коня… Илья, это нереальная подстава!

Далее, чтоб только избежать утомительных диалогов и безрадостных споров ни о чем, вкратце перескажу лишь то, что я сам точно понял. Катерина – не из нашего мира, но и не из подземного, она из далёкого-предалёкого будущего. Служит в учёной братии, сидит здесь, в Оборотном городе, за всем наблюдает, всё фиксирует, а своему начальству шлёт научные доклады на тему «поведенческой психологии нечисти как одной из альтернативных форм жизни на земле». Уважаема в бесовских кругах за крутизну нрава и верность собственным интересам. Работать по контракту будет ещё два года, но ей здесь одиноко…

– На, пожалуйста, сам посмотри. – Девушка вновь раскрыла волшебную книгу. – Вон они все снова собрались, осмелели, живой человек для них слишком большое искушение. Так что либо ты, либо твой конь. Выбирай!

Я глянул ей через плечо. Действительно, на синей глянцевой странице шумно скандировала антироссийские лозунги огромная толпа, втрое, а то и вчетверо больше предыдущей. Понятно, что без крови они не уйдут, а казачья честь определяла один-единственный выход из сложившейся ситуации…

– Верни коня, мы пробьёмся. – Я положил ладонь на рукоять и, не моргая, выдержал долгий взгляд Катеньки, крутящей пальчиком у виска.

– Они в большинстве своём уже мертвые, так что особо не наубиваешь. Тебя просто порвут у меня на глазах…

– И что?

– А ничего! Пошёл ты знаешь куда, казак Иловайский…

Я вдруг почувствовал, что она обиделась. За что, на что, непонятно, но мне стало чуточку стыдно. Вроде как девица ожидала от меня чего-то романтического, в

стихах, при свечах, в кринолинах, а вместо этого «принц на белом коне» намерен безбашенно удрать на той же домашней скотине неизвестно куда, а по пути геройски погибнуть за невнятные дядюшкины интересы. Тем более что и дядюшку я сюда приплёл абсолютно зря, он и знать не знает, где меня носит, небось волнуется уже. Хотя если денщик должен был вернуться, то…

* * *

– Стоп! Есть варианты! – радостно вскинулась Хозяйка. – Компьютер показывает, что по переходу сюда ведут ещё одного человека. Пеший, немолодой, похоже, военный и даже, кажется, казак! Его вурдалаки тащат, все вшестером!

– Прохор…

– Не знаю, паспортные данные не указаны, идентификацию он пока не проходил, но… – На меня в упор уставились её удивлённые глаза. – Ты чего, Илья? В жизни всегда чем-то приходится жертвовать, пока там на площади определятся с этим неизвестно кем, ты спокойно уйдёшь вместе со своим арабом. Привет Василию Дмитриевичу от учебника истории, всё шоколадно, не залетай сюда больше, захочешь – пиши письма! Ты чего на меня смотришь, как недоёный?

– Это Прохор, мой денщик, я его в обиду не дам.

– Куда-а?!

А поздно, на выручку! Я перепрыгивал через три ступени, дверь вышиб плечом к ёлкиной матери, а на бросившихся псов рявкнул так, что бедняжки присели, поджав хвостики. Что навело меня на мысль…

– Простите, Христа ради, потом всё починю, вот те крест!

Я обеими руками вцепился в железные прутья ограды, медленно раздвигая их в стороны. Жилы едва не рвались от напряжения, в глазах потемнело, а отчаянный голосок Хозяйки просто не пробивался в моё замутнённое сознание:

– Иловайски-и-ий, блин! Только попробуй! Они же от человека вчетвером за две минуты костей не оставляют!

Может быть, очень может быть, кто я такой, чтобы спорить… Мне всех четверых и не надо, мне двух хватит. Прутья потихоньку пошли, дыра увеличивалась, адские псы не верили своему счастью, но разумненько сидели в уголке – вдруг я хочу их отшлёпать?

– Оставь собак, натуралист недоделанный!

– Ты мне ворота открой, на минуточку, я только Прохора заберу и назад. Честное слово!

– Да кто он тебе такой?! – продолжала кричать Катя из своей горницы.

– Денщик!

– Типа прислуги, что ли?

Я призадумался. В общем-то, конечно, да, но… Какой же он мне слуга? Он как старший товарищ, даже как отец, он заботится обо мне, на ум наставляет, казачьим премудростям учит, я его с восьми лет знаю, мы из одной станицы! И как я маменьке в глаза посмотрю, если оставлю собрата-казака на растерзание сворам нечисти?!

– Пошёл ты знаешь куда, Иловайский…

Догадываюсь. Хотя и удивлён, что приличная барышня такие места знает. Но главное, чтоб ворота открылись…

– Открываю!

– Куть, куть, куть! – Я поманил пёсиков, те доверчиво приблизились, крутя хвостиками. Когда мы с двумя этими крокодилами на боевом взводе выскочили на площадь, то успели как раз на раздачу. Или, правильнее сказать, на распродажу мяса…

Шестеро широкоплечих мускулистых вурдалаков предлагали желающим любую часть живого пленника на выбор. Кто-то интересовался ценой, кто-то проходил

мимо, знакомых лиц, вроде моих Мони, Шлёмы, Павлуши, бабки и отца Григория, видно не было. Зато мой верный денщик, удерживаемый слева и справа, сразу разулыбался, увидев меня живым и здоровым.

– Прохор!

– А вот и вы, ваше благородие. – В глазах старого казака блеснула влага. – Уже и не чаял встретиться. Полночи вас искал, по степи да по лесу рыскал, а как к кладбищу подъехал, так и навалились из-за спины злодеи, свалили с коня и по затылку. Ну мне-то что, не о себе думал, а как дядюшке вашему скажу, что не уберёг хлопца…

– Отпустите его, – грозно потребовал я. – А не то псов спущу!

Вурдалаки, видимо, собак не очень боялись. Один из них только хмыкнул и демонстративно, поиграв грязным ножом, с размаху ударил, целя пленнику в сердце. Как увернулся мой денщик, я не знаю. Но он меньше чем за минуту вырвался на свободу, без особых усилий раскидав вурдалаков, и по-отечески обнял меня за плечи. А рукопашник-то он о-го-го…

– Ты прости меня, Прохор. Сглупил я, скачкой увлёкся, и коня потерял, и сам влип выше сапог, ниже пояса на чешущемся уровне, – честно повинился я.

– Бог простит, а человеку – грешить от веку. Сам живой, в ладах с головой, а уж до дому дойдём по… – начал было поэтизировать нашу встречу старый казак, но я быстренько прервал это дело, заталкивая его в ворота Хозяйкиного дома. Вурдалаки встали, опомнились и, пылая резонной местью, полезли на меня с кулаками.

Ха! Оказалось, что в команде «фас!» чудовищные псы не нуждаются, и хотя их было двое против шестерых – от нечисти только клочья полетели. Да, Катерина была права, зверьё опасное, надо щенка выпросить, маменьке курятник от кошек охранять…

Мне на секунду представилась притихшая станица, мама с сёстрами, сидящие на крыше от греха подальше, и вымахавший за лето адский пёсик, гоняющий по двору соседских быков-трёхлетков. А соседи вроде и не против, молчат себе с кривыми улыбочками за прикрытыми ставнями… Живописно получается!

Я сумел успокоить псов только крепкой затрещиной, данной каждому от души и с размахом. Те мигом опомнились и кроткие, как овечки, пошли за мной, чтобы столь же безропотно водвориться за погнутую ограду. Которую, кстати, мы с Прохором почти починили. Кривенько, косо, но надежно, без нас не вырвутся…

– Ох, хорунжий, подведёшь ты меня под Пизанскую башню, – устало раздалось на весь двор, ворота захлопнулись, и я повёл денщика знакомиться.

Хозяйка, уже переодевшаяся в синие мужские штаны с металлическими клёпками, но в той же облегающей сорочке, встретила нас хлебом-солью. Ну, правильнее сказать, ломтями хлеба, а на них масло, сыр и копчёное мясо. Я-то в храме перекусил, а вот мой проголодавшийся денщик был за всё очень благодарен:

– От спасибо, Катенька! Живи богатенько, и чтоб мужа тебе райского! Ну хоть Иловайского…

– Он у нас поэт народный, один такой на весь полк, – краснея, пояснил я.

Хозяйка тоже краснела, но не перебивала, видимо, подобный персонаж был ей в диковинку. Ну и Прохор, как вы понимаете, распушил хвост, павлин пятидесятилетний, и старался во всю грудь:

– Пред такой красотой хоть пляши, хоть пой! Да завлекай любимушку на сеновал, в ложбинушку…

При этом он ещё залихватски крутил ус и подмигивал мне, дескать, учись, казачок, пока старик в силе, и текст записать не забудь, убойная сила в нем для охмурёжу! Катя уже и не краснела особенно, а так, вспыхивала местами, то уши, то щёки, в ответ на какой-нибудь особо весёленький намёк. Хотя какие там намёки?!

– Накормила, напоила, а в постель не уложила. Погостим тут две недели, так дойдём и до постели…

Как видите, всё прямым текстом, без изящных фортелей и модных полутеней, по-станичному в лоб, с наскоку, не сходя с седла и не снимая сапог. Меня же всё

это время отвлекал невнятный, но нарастающий шум откуда-то извне. А потом, обернувшись, я случайно заглянул в волшебную книгу девушки и ахнул – картинка показывала, что вся площадь перед её домом заполнена гневно ревущей нечистью!

– Делись, Хозяйка! Казаков – на стол! А не то весь твой дворец разнесём! – орали черти, колдуны, вурдалаки, упыри, трупоеды, кровососы, мертвяки, ведьмы, бесы и прочая злобная шелупонь, размахивая розами и оранжевыми платочками. Зрелище и комичное, и страшное…

– Ну вот и доигрались в крестики-нолики. – Катя встала, ушла в другую комнату, через пару минут к нам вернулась совершенно другая женщина. Рослая, выше меня, сама дородная, груди как кувшины, ликом прекрасна, словно Лилит, а позади из-под юбки драконий хвост змеится.

Прохор с чувством перекрестился, но мне-то было отлично видно, что это та же самая девица, что болтала с нами за столом, только под тремя личинами, и она мигом поняла, что я её вижу насквозь. Сначала роскошную бесовку, потом огнедышащего дракона в зелёной чешуе, уже в нём сияющий шар с голубыми глазами, а уж за ним свою новую знакомую…

– Хм, а я-то сперва не поверила, что тебе сквозь личины видеть дано. Значит, не врали сплетни, что ты у нас необычный казак… Сам где научился или это у тебя врождённое?

– Не по своей воле, – опустив взгляд, признался я. – Помнишь, когда мы там после арки с бесёнком сцепились, а потом к нам бабулька шустрая подошла? Ну она на тот момент вся из себя красавицей представлялась и… в общем, плюнула мне прямо в глаз! Боль была дикая! Думал, сдохну, ей-богу, а как отпустило, оказалось, я сквозь личины видеть могу…

– Интересный случай, – на миг призадумалась Хозяйка. – Эту скандальную бабку Фросю в поликлинику надо сдать, для опытов. Быть может, серьёзный медицинский анализ покажет в составе её слюны особые кислоты или микроэлементы, которые круто продвинут науку! Не забыть бы упомянуть этот момент в отчётах, а сейчас я пошла…

– Куда? – дружно привстали мы с денщиком.

– Да на площадь, вас двоих отмазывать!

– Троих, – поправил я. – Без араба мне на свет божий показаться невозможно, дядюшка сожрёт целиком и сапог не выплюнет.

– Ничего не обещаю, – покачала головой Катенька. – Сами видите, что там творится. Если никого не сдам, они от меня и стрингов с бусинками не оставят…

Мы с Прохором переглянулись, вытащили сабли и молча встали по обе стороны от неё, он слева, я справа.

– Психи? – зачем-то уточнила она.

– Казаки! – обиделись мы.

– Угу, и если я вас сейчас с цепи спущу, вы мне там уйму подопытного народа покрошите и сгинете геройской смертью, а мне потом перед начальством в какой гнутой позе стоять за срыв научного эксперимента?!

Мой денщик ничего не понял, я половину, но главное ясно – саблями махать много ума не надо, а надо просто удрать. Причём так, чтобы на Катеньку никто ничего плохого не подумал. Толпа хочет нашего мяса или, перефразируя древних, хлеба и зрелищ. Ну что ж, хлеба не обещаю, вредно есть ночью, а зрелище мы, пожалуй, вам обеспечим со всем нашим усердием…

– Идём все. Ни одному бесу даже копытце не поцарапаем и тебя, Хозяюшка, не сдадим, – уверенно кивнул я, прикидывая в голове план. – Тока коня верни, мне без него нельзя.

– Слово? Без балды?!

– Слово казачье!

– Эх, не спешил бы ты, хлопче, где курей топчут, – осуждающе покачал бородой Прохор, но сунул саблю в ножны и пошёл вслед за нами.

Мы спустились в традиционные подвалы каменные, ох и добра там было-о…

– Пищевой склад. Пополняется регулярно спецрейсами, в основном химия и субпродукты. Что-то свежее вроде масла, плюшек и колбасы доставляется сверху, мне ведьмы тащат в обмен на попсовые книжки по оккультизму или какую-нибудь вышедшую из моды бижутерию. Рядом библиотека, она у нас маленькая, полтора на два, все книги на жёстких дисках, объём вплоть до… неприличия. А это аппаратная. Тут системные блоки, генераторы, техника для поддержания иллюзий, то есть голограмм, отражатели заклинаний, ну и всякая подобная супернавороченная хрень. Сюда даже мне без особого допуска ход воспрещён. Впрочем, я бы и сама не полезла, на мой век и одного вечно глючащего компьютера – за глаза и за уши! А лошадка ваша вон там стоит, в загончике…

Арабский жеребец подал голос, как только расслышал мои шаги. Благородное животное едва ли не заплясало от радости, когда я суховато, с лёгким упрёком потрепал его по загривку. Ну как можно было подумать, что он меня предал? Конечно же бедняжка сам испугался страшной серой полосы, выбившей из седла его любимого всадника. Теперь пожалейте и утешьте кусочком сахара. Однако, повинуясь многозначительному гмыканью опытного в воспитании Прохора, я всё-таки отвесил жеребцу крепкий подзатыльник:

– А не бросай впредь хозяина!

Араб покачнулся, словно бы не поверив такой моей суровости, но опустил уши и, виновато повесив голову, ткнулся мне храпом в колено.

– Ладно, прощён. Айда все на площадь, будем народ развлекать!

* * *

Пока выходили, я в двух словах, как мог, объяснил денщику, где мы находимся, какие на ком личины и кому тут можно верить. Старый казак только восхищённо цокал языком, простодушно воспринимая всё происходящее как одну большую сказку, где ему разрешили играть в основном составе. Правду говорят, что старики как дети…

Катя молча показала мне чёрную плоскую коробочку, испещрённую цветными пуговками и знаками, до того маленькую, что она умещалась у неё в ладони.

– Самый мощный генератор иллюзий. Воссоздает всё, от объёма до запаха. Захочу представить из себя кита, тут все кильки от зависти сдохнут. Мы обычно так всегда и делаем, три-четыре разных образа на себя напялишь и идёшь с козырей тусить по городу! Они ж больше чем через одну личину не чуют…

Именно это я и хотел от неё услышать. Теперь главное – завести всех до белого каления и обставить нашу казнь поинтереснее. А когда они все побегут её спасать, то…

– Ты чего это бормочешь, Иловайский?

– Ох, прости, Катюша, задумался, – быстро повинился я. – А чтоб личину сменить, тебе сколько времени надо?

– Без спешки минуту-полторы…

– Идеально!

– Для чего?

– Сейчас узнаешь, подыграй мне!

Когда тяжёлые ворота наконец отворились, скандирующим толпам нечисти представилось душеумилительное зрелище – сама Хозяйка, прекрасная и грозная, неумолимо держит за шиворот двух поникших казаков, а из-за её спины осторожно выглядывает осёдланный арабский конь, как нашкодившая собачонка… Нас приветствовали овацией! Вой поднялся до небес…

– Поймала-таки лиходеев вкусненьких! Делиться-то когда будем? Ты уж своей рукой казни их при всех али нам отдай!

– Нешто не поделится? Сей же час справедливости непривычной требуем, крови надо, крови!

– Ну хоть кусочка малого от хорунжего, давно на него, сладкого, облизываться устала…

– Цыц, – ласково попросила Катя, и её голос неожиданно грозным холодом накрыл всю площадь. – Они мои. Сама не съем, но и другим не позволю. Кто смелый мне вызов бросить, у кого с собой череп лишний или на зубы трёхлетняя гарантия?

Повисла тишина. Я лишний раз оценил, каким авторитетом пользуется здесь эта странная девушка.

– Назовите мне вину их.

Первой на шаг вперёд выступила крестьянская красавица Ефросинья, а вернее, злобная старуха-нищенка, и высказалась по существу:

– Вот энтот, молоденький, конём меня едва не затравил, прощения не испросил, деньгами не извинился. Свою долю от него требую!

– Просишь, – поправила Хозяйка, и бабка испуганно кивнула. – Кто ещё?

– Я ещё, – выступил стройный длинноволосый мальчик в гусарском костюмчике, то есть мелкий бес-охранник. – Казачок мне уважения не высказал, ружьё казённое бессовестно изломал и в рыло навешал не спрашивая! Тоже долю хочу! Хоть маленькую-у…

– И у меня некоторые претензии, – смущённо поднялся здоровяк Павлуша. – Хорунжий мяса свежего мне пожалел, за дядин грех откупиться не пожелал и сапогом ударил по пенису.

– По чему ударил? – дружно заинтересовались все, даже Прохор.

– Это латынь, – ещё более смущённо признался мясник. – Надеюсь, и мне доля положена.

– Вах, что ви как нэ родные все, а?! – протолкался поближе отец Григорий. – Мине он тоже надэлал – икону Бафомета трэснул, храм святой нэ пажалел,

молитв читал, полы тряслися, да. А я нэ в обиде! Пусть идёт. Мою долю отдаст – и свабодэн, э!

– Кто ещё? – продолжала спрашивать Катя, пока я пытался хоть как-то переварить всю эту безумную смесь ложки правды и бочки лжи, только что вылитой на мою чубатую голову.

Вперёд вышли упыри. Оба красавца мялись, опустив глаза и перепихиваясь локтями, а потом Моня выдал:

– Не виновный он ни в чём, отпусти Иловайского, Хозяюшка…

Я так думаю, что если бы они оба просто спустили штаны перед её строгим ликом и хорошенько потрясли, чем сумели, то и в этом разе едва ли произвели бы большее впечатление. Они за меня заступались! Перед всеми своими! Катерина вылупилась в мою сторону так, словно я работаю дрессировщиком в бродячем цирке и сумел за один день так вышколить двух кровососов, что в них проснулась совесть. Я честно пожал плечами, понятия не имею, что на них нашло…

– Будь по-вашему! – утвердила Хозяйка. – Старика да коня я себе оставлю, отныне им мне до гроба служить. А хорунжего вам отдаю. Справедлив ли суд мой?

– Да-а-а!!!

– А мы против, – тихо пискнул Шлёма, когда согласованный рёв толпы чуть подутих. – Наш он, мы нашли, мы привели, нам и…

– Ты что-то хотел сказать, Иловайский? – игнорируя бедного упыря, обернулась ко мне девушка.

Я прокашлялся и, незаметно подмигнув Прохору, скромно попросил:

– Последнее желание можно?

– Можно. Да смотря какое, – осторожно кивнула Катя, шёпотом добавив мне: – Ты чего надумал? Я с тобой на людях целоваться не буду.

– И в мыслях не было!

– Ах вот даже как…

– Желание у меня одно, – как можно громче проорал я. – Раз уж Хозяйка ваша здесь наипервейшая волшебница, так пусть она нам своё искусство покажет, три раза в разные обличья перекинется! Уж мне после таких чудес и умирать не страшно.

– Ну и чё? – опять вне очереди влезла бабка Фрося. – Вроде нормальное желание, без подковырки, а в чём засада-то?!

– Ни в чём! Чисто. Чему бы и нет? Нормальный паренёк, хорунжий, лишнего не просит. Уважь, Хозяйка, покажь силу! Зажги по-взрослому! Толкни газу, не боись, не на серпантинах! Небось приглядим покуда за казачком…

Катенька посмотрела на меня. Я уверенно козырнул: не переживай, родная, просто поверь. Она лишь вздохнула, словно бы говоря: надеюсь, ты знаешь, что делаешь…

– Когда скажу – беги не оборачиваясь, – тихо предупредил я. – А теперь прошу, оборотись ты, Хозяйка, ну хоть скамейкою!

Почти в тот же миг взглядам всех присутствующих предстала длинная деревянная скамья, новенькая, свежеструганая, ещё и муха не сидела. В толпе сдержанно поаплодировали…

– Доволен ли ты, хорунжий? – язвительно фыркнула старуха. – Энто был раз!

– Доволен, отродясь таких чудес не видывал. А вот если, к примеру, буйным ветром?

Скамейка завибрировала, задрожала, начала растворяться в воздухе, и уже через минуту на её месте бесновался небольшой, но злющий смерч, поднимая

пыль во все стороны. Хотел бы я уметь делать такие иллюзии! Вот голову готов запродать, что ветер настоящий, все аж глаза прикрыли. Да появись у нас одна лишь иллюзия в сто казачьих полков на Кавказской линии, и чеченцы бы от рождения замирёнными ходили! Надо будет непременно выпросить у неё ту волшебную коробочку да научиться пользоваться…

– Энто уже два! Доволен ли, казачок?

– Уж как доволен, бабушка, сказать не пересказать да словами не высказать! – честно поклонился я. – Ещё один разок, да и покончим с этим. А хочу я, чтоб…

Мой денщик выступил на полшага вперёд, прикрывая меня спиной. Нет, не надо, мы иначе выкрутимся…

– Хочу, чтоб оборотилась она молодой кобылкою!

Сквозь три личины мне было видно, как недоумённо вытянулось милое Катино личико. В толпе кто-то хихикнул, кто-то явно облизнулся моей глупости, кто-то начал потирать руки, заранее празднуя скорый ужин. А ведь мы ещё не закончили…

Хозяйка понажимала пуговки, и смерч плавно стих. Вскоре на его месте стояла ладная белая лошадка, четырёхлетка, стройная и красивая, явно даже ни разу не крытая. Ну вы и сами должны были догадаться, что же произошло дальше…

– Беги-и! – только и успел крикнуть я.

Мой конь взвился на дыбы и, раздувая ноздри, бросился на Хозяйку! Та, естественно, кинулась прятаться среди своих. Но неужели кто сумеет удержать знойного арабского жеребца, почуявшего такой шанс?! Нечисть уворачивалась из-под его изящных копыт с воем и матюками, как честные курицы из-под пьянющего индюка! Хотели зрелищ? Вот и получите с присвистом под два прихлопа, кто не спрятался – ну такова судьба, не всем быть долгожителями…

– Иловайский, – с чувством бросились ко мне упыри, – ты чё встал, утекай отсель!

– Куда, братцы?

– За дворец Хозяйкин да по улице вверх, никуда не сворачивайте, будет стенка, а вы в неё лбом! – перебивая друг друга, трещали Моня и Шлёма. – Народ щас в себя придёт, а Хозяйка дык вообще в ярости будет. Беги, хорунжий, покуда конь твой бешеный её на тот же памятник загнал, где ты меж рогов отсиживался…

Ого! Я присмотрелся: вроде да, Катенька как-то исхитрилась, и на данный момент на голове медного беса испуганно сидела белая кобылка, поджав копыта и закусив хвост…

– Жеребца дождусь, и рванём.

– Да нешто он вернётся?

– Ещё как! Один раз по шеям словил, уж во второй раз хозяина не бросит, – весомо поддержал меня старый денщик, уголком рта интересуясь: – А это что ж за добры молодцы будут? Собой пригожие, что нравом, что рожею, нешто за личинами оба – дурачины?

– Чё сразу дразниться-то?! – мигом надулись оба.

– Упыри они, Прохор, – пояснил я. – Наши упыри, местные, где-то даже патриоты. Будет время, всё тебе расскажу с подробностями. А сейчас, глянь, похоже, араб возвращается! Обиженны-ый…

Вид поникшего и убитого в лучших чувствах животного был трогателен до икоты. Понятное дело, побежал знакомиться с красивой лошадкой, а она, глупая, забралась на недосягаемую высоту, да ещё и превратилась в девушку! Форменное безобразие, правда? Потрепав его по крутой шее, я махом прыгнул в седло, старый казак, цапнув меня за поясной ремень, легко пристроился на крупе.

– Прощай, Моня! Бывай, Шлёма! Хозяйке от нас поклон, а всем общим знакомцам большой привет!

Жеребец громко фыркнул, возмущённый двойной ношей, но тем не менее довольно резво понёс нас по мощёной улочке вверх. Должен признать, что останавливать нас дураков не было – нечисть радостно уступала дорогу, даже за

сабли браться не пришлось. Правда, когда мы свернули за городскую стену, сзади раздался громогласный крик Катеньки, видимо уже пришедшей в себя:

– Иловайски-и-ий, поймаю – кастриру-у-ю-у!

– Ну дык ты сначала поймай, потом рот разевай, – по-отечески посоветовал Прохор, а я словил себя на коротенькой мысли о том, что летим мы прямо в стену! Араб закусил удила и нёсся вперёд, зажмурившись, как самый храбрый котёнок. Расшибёмся за милую душу, всмятку, в фарш, в…

* * *

– Вот и слава тебе господи, выбрались, – перекрестился старый казак, спрыгивая наземь.

Жеребец нервно приплясывал посреди достопамятного сельского кладбища. Солнышко только-только взошло, могильные кресты окрашивались весёленьким розовым отсветом. Мир божий радовал пробуждением и любовью ко всему сущему. Жить хорошо…

– Уф… – выдохнул я, ещё не совсем придя в себя от чудесного прохода сквозь стену. Хорошо хоть не заорал позорно в самый неподходящий момент, вот бы осрамился перед Прохором. – Всё, я сыт по горло. Давай-ка до дому, до хаты…

– И то дело, вона мерина своего прихвачу, да и поскакали!

Действительно, на дальнем краю кладбища честно ждал старый казачий конь. Дончаки – они очень верные, по двое-трое суток могут с места не сдвинуться, если чуют, что живой их хозяин. А мы живы, оба! Надо же, а?

…Через час я навытяжку стоял перед грозным дядей, стараясь ничего не слышать, ничего не видеть и ни на что не реагировать.

– В солдаты отдам! На каторгу отправлю! Старикам на станице пожалуюсь! Иловайский, у тебя вообще хоть капля совести есть, нет?!

Есть у меня совесть. Раз перед Катей свою вину чую, значит, всё-таки есть. Хотя слово я сдержал. Её имидж перед нечистью не пострадал ни на каплю, а то, что мы сбежали, так это невероятное стечение обстоятельств и врождённое казачье счастье…

– Ежели б тока не маменька твоя, невестка двоюродная! Коня без спросу забрал, сам всю ночь невесть где шлялся, морда битая, а спиртным даже и не ароматизирует! Ох, довёл ты меня, до кишок достал, допёк до полного безобразия, а?

Да что я, собственно, сделал? По большому счёту? Как раз таки и не сделал ничего, на что и ругаться смыслу нет. Как кому, а мне никакого резону отвечать на эти пустые инсинуации. Но вы продолжайте, дядя…

– Мало тебя в детстве нагайкой учили, мало! А вдруг, не приведи господи, война? Я ж тебя тогда под расстрел сдать обязан! Службу простенькую не выполнил, к генералу Чернышову не заявился, пакет с картой не забрал, государю императору планы наступления спутал, Родину опасности подверг…

Всё так, всё верно, было бы чем – оправдался бы. Когда Василий Дмитриевич на минутку отвлёкся хлебнуть кофею, прополоскать горло и продолжить разнос, я вдруг почувствовал, как стоящий сзади Прохор суёт мне в руку конверт из плотной бумаги. Что?!

– Тс-с, ваше благородие, – шёпотом предупредил он. – Я ж не знал, что вы на кладбище запропали, потому сам сначала к Чернышову и наведался. Их сиятельство меня, поди уж, не первую войну знает. Вот он, пакет-то…

– Какой такой пакет?! – разом вскинул бровь дядюшка.

Я молча протянул ему конверт, стараясь не глядеть в глаза и понимая, в каком неоплатном долгу нахожусь ныне перед верным денщиком.

– Ай да Иловайский! Ай да молодец! И что ж ты молчал, сукин сын?! – Седой генерал заключил меня в медвежьи объятия, пару раз приподнял над полом и потряс от всей души. – Ну угодил, ну порадовал родню, крест бы тебе за такое дело, да жаль не война…

Он при мне разорвал пакет, вытащив на оттоманку с десяток простых лубочных картинок, недельной давности газету и неприличный рисунок тощей француженки в будуарном неглиже. И ради этого мы пережили столько бед, опасностей и напастей?!!

Я начал закипать, почувствовав себя не просто обманутым, а буквально окунутым с головой в домик с дыркой на дверях. Словно бы он приказал выпороть меня пред всем кругом: на лавку уложили, штаны сняли, а пороть передумали, так, стоят и ржут хором…

– Ну ты чего встал-то, иди давай, делом займись, – даже не глядя в мою сторону, буркнул дядя. – Коня почисти, форму в порядок приведи, что там ещё ты должен сделать?

– Старому дурню в ухо плюнуть.

– Вот-вот, и плюнь, и… Иловайский! Мать твою, ты на что это намекаешь, мерзавец?!!

Ответить я не успел, а хотелось. В двери сунул нос ординарец, громко проорав:

– Ваше превосходительство, туточки гусарский поручик со странностями! Говорит, шо донесение до вас имеет!

– Зови, – стиснув зубы, прорычал дядюшка. – А ты пшёл вон!

Я резко развернулся на каблуках и, зажмурившись от ярости, рванул прочь, едва не сбив кого-то в дверях. Верный Прохор выбежал было следом, а моих ноздрей бегло коснулся неуловимо знакомый запах. Не может быть…

– От ить чудной гусар, право, – прикрывая дверь, ухмыльнулся ординарец. – Пешим пришёл! Видали такого дурачину, а? Да чтоб гусар и без коня, это ж…

Я развернулся, выхватил саблю и без стука вломился назад в горницу. Прохор ринулся следом.

Гусарский поручик в старом потрёпанном мундире как раз вытаскивал из-за голенища короткий нож. Он даже не успел обернуться – дедовский клинок рубанул его наискось от плеча почти до позвоночника! Чумчара рухнул с тихим воем, с него мигом слетела личина, обнажив уродливую морду и грязные когтистые лапы…

– Это что ж за зверь такой? – ничуточки не испугавшись, подкрутил усы Василий Дмитриевич Иловайский 12-й. – Но ить вошёл вроде как нормальный человек, облику военного. А рожа-то, рожа какая… тьфу! Прости, Господи, грехи наши тяжкие, не приведи ещё по ночи присниться…

Я тупо вытер лезвие сабли об ментик убитого, искренне удивляясь самому себе – как можно было подумать, что тощий чумчара, с одним ржавым ножом, осилит взращенного в боях и стычках опытного казачьего генерала? Надо было остаться снаружи и поспорить с ординарцем на пятак – за одну или полторы минуты из дверей вылетит переломанная по косточкам нечисть…

– Ладно уж, за храбрость хвалю! А теперь вместе с Прошкой быстренько волоките отсель эту погань да закопайте за околицей! И кол потяжелее в грудь ему вбейте, чтоб не встал! Потом назад воротись, беседовать будем. Чую я, есть тебе о чём мне рассказать, племянничек…

Мне оставалось лишь пожать плечами. Надеюсь, дядя любит сказки. Ну в смысле того, что лично я бы не поверил ни одному собственному слову. И был бы прав…

Часть вторая

Характерник

…Мне удалось насладиться относительным покоем целых три дня. Относительным в плане того, что глупых служебных заданий мне больше не давали и никаких чудесностей в моей жизни не происходило. Что не могло не радовать…

Дядя выслушал мою длительную повесть внимательно, даже вдумчиво, хоть и принюхивался пару раз, не пьян ли я? Потом вызвал к себе Прохора и имел с моим денщиком короткий, но вроде бы доверительный разговор. А вот уже после этого говорил со мной гораздо ласковее и в краже арабского жеребца более не попрекал.

Более того, мне разрешили на нём ездить! В смысле гонять его кругами в степи у Дона, чтоб не застоялся. Наша взаимная симпатия с этим красавцем крепла на глазах. Человек и конь всегда найдут общий язык, если им не мешать.

Я быстро понял, что он не любит шпоры и боится женщин. Странная фобия, но это не самое страшное, справимся как-нибудь. Боялся бы он так же кобыл, вот это была бы серьёзная проблема…

Он тоже въехал, что мне не нравится лететь через его голову, когда он резко встаёт на всём скаку понюхать ромашку. И когда он играючи покусывает меня за рукав, это тоже не радость, потому как мундир у меня один, а зубы у него крепкие…

Ох ты, чего ж я всё о коне да о коне?! Всё началось вечером третьего дня после моего возвращения из Оборотного города, и первым звеном явился мой денщик Прохор, который сидел на перевёрнутом чурбачке у крылечка и неспешно чистил видавшее виды охотничье ружьё.

– На кого собрался? – походя поинтересовался я.

– А на волков, – чуть щурясь заходящему солнышку, ответил Прохор. – Лютуют, злодеи, как зимой. В селе жалились, будто ночью пастушонка загрызли. Я тоже сходил, посмотрел, помочь людям надобно…

– Хм, странное дело…

– Чудное дело, ваше благородие!

Ну, странное или чудное, это нам сейчас особо без разницы. И то и другое верно, потому как по лету волк редко бросается на человека. Пропитания ему и в лесу довольно, если совсем уж прижмёт, так в степи отары гуляют, с чего ж ему к

селу жаться?

А тут ещё мой денщик спокойно достал из кармана целый серебряный рубль (бешеные деньги даже для меня!), положил на чурбачок и с одного удара рубанул саблей пополам. Потом так же поступил и с каждой половинкой, получив четыре относительно равных треугольничка, или, по-наукообразному, кажется, сегмента.

– И что ж это за таинственный волк, что ты на него серебро готовишь? Может, то и не зверь вовсе…

– Следы на горле у паренька от зубов нечеловечьих, – задумчиво признал старый казак, даже не пытаясь говорить со мной стихами, а это серьёзно. – Только вот что странно, у пастушонка одного мизинчика на руке нет. И ведь не откусан палец, а ровно бритвою острой обрезан. Так вот я и думаю, что серебро-то, поди, понадёжнее будет…

– Когда на охоту идёшь?

– Так в ночь же и пойду.

– Я с тобой.

– Да что ж Василий Дмитриевич скажет? – чисто для проформы уточнил Прохор, заранее зная ответ, а потому ответил себе сам: – Иловайский, мать твою, не ложися на краю! Тебе всё одно, где спать, а мне за тебя отвечать. Эх, кабы не родня, поплясал б ты у меня, да под балалайку и мою нагайку!

Я улыбнулся. После французских романов простонародная поэзия моего денщика действует на душу, как целебный бальзам примитивистского розлива. Сам понимаю, что наив, а не стихи, но он так их читает радостно, с вдохновением и душой – всё простишь!

Когда мы вместе вырвались из подземного города, Прохор стал относиться ко мне с удвоенной заботой, доходящей до крайностей. Буквально порой не давая и шагу ступить без своей опеки.

– Вы ж теперь характерник, ваше благородие! Сквозь личины видите, нечисть за версту чуете, а может, и в будущее глядеть сподобитеся, – скромно пояснял он. – Таких беречь надобно, в них сила великая дремлет. Один характерник, бывало, целые полки казачьи от верной гибели спасал. И чтоб без меня, неслух, даже до сортиру в одиночку бегать не смел!

Ну это уже явный перебор, согласитесь? Все имеют право на свободу личности, так ему и заявил, к тому же и нет у меня особенных причин где-то прятаться одному. Другие казаки моих лет, да и помоложе, успешно заводили шашни с местными девками. Раньше и я не чурался женского общества, но…

Из головы никак не выходила эта странная и необыкновенная девушка Катя, волшебная Хозяйка научного дворца, говорящая чудным языком и умеющая надевать личины.

Как она там одна? Что с ней сталось? Вспоминает ли изредка обо мне? Да пусть хотя бы матерно, лишь бы вспоминала!

Красивая ли она была? А то! До сих пор помню, как сердце вздрогнуло, как руки опустились, а душа к небесам воспарила, когда в очи её бездонные, в омут карий заглянул…

Но, с другой-то стороны, разве ж мало у нас красивых девчат по станицам? Дело ведь не только в этом, я чувствовал, что тянусь к ней сердцем не из-за длинных ресниц, обалденной груди и ласковой улыбки, а из-за ума её редкого!

Мне было интересно с ней. Она многое знает, есть о чём поговорить, и слушать тоже умеет, также разбирается в серьёзных вещах, читает волшебную книгу. В общем, не похожа она ни на моих чернобровых, загорелых соседок по родимому Дону, ни на бледных высокомерных девиц из уездных городов. Одни только семечки лузгают, другие лишь за зонтики кружевные прячутся. Возможно, эта непохожесть и разжигает мой интерес…

– Эй, хорунжий! Тебя генерал до себя кличет! – помахал мне рукой запыхавшийся ординарец.

Я поморщился. Естественно, каждая собака в полку знает, что этот генерал мне прямой родственник, но разве кто скажет: «Илья, тебя дядя зовёт»? Армия, чтоб

её! Дисциплина, устав, строгое соблюдение служебных взаимоотношений. Не понимаю, как можно добровольно любить всю эту натужную игру в солдатики?!

Уверен, что здесь имеет место массовый масонский заговор, когда тысячные толпы людей одеваются в одинаковые мундиры, берут в руки табельное оружие и прутся чёрт-те куда убивать себе подобных за непонятно чьи религиозные или территориальные интересы! Да чтоб в идеале вернуться домой с маленьким крестиком на груди и все гордились! А если без руки, но с двумя крестиками за храбрость? А без ноги, но с…

– Иловайский! Генерал же к себе требуют, ты чё, заснул на месте, хлопчик?!

Ну вот, стоило на минуточку призадуматься о непростой судьбе нашего казачьего племени в вечном горниле военных конфликтов Российской империи, как тебя тут же перебивают и вновь суют носом в субординацию. Надоело-о…

– Хорунжий, мать твою?!! – рявкнул уже буреющий ординарец.

– Всё, всё, уже бегу…

…Дядюшка Василий Дмитриевич ждал моего появления с недовольной физиономией, лёжа на походной оттоманке, попивая густейший турецкий кофе. Меня он приветствовал небрежным кивком и уже привычным ворчанием:

– Иловайский, у тебя, вообще, совесть есть или где? Да чтоб заслуженный генерал битый час дожидался, покуда какой-то хорунжий на его приказ внимание обратить изволит?! Ох, быть тебе поротому, ох вот прям щас возьму плеть ногайскую и своей рукой так всыплю по-отечески, что…

Я молча развернулся к нему спиной, начиная демонстративно расстёгивать штаны, типа бейте!

Дядя ахнул, выплюнул кофе обратно в кружку и заорал:

– А ну прекрати заголяться, ирод! Вот мне радость на старости лет задницей твоей бесстыжей любоваться! Натягивай портки и слушай, зачем звал!

– Как скажете, а зачем звали?

– Прохор доложился, что ты с ним в ночь на волков идёшь.

– Иду, – не стал спорить я, но про себя ещё раз отметил маниакальную заботу верного денщика. Доложил, стало быть, начальству…

– Отговаривать не буду, – сразу развеял мои опасения дядюшка. – Раз люди в страх впали, значит, наипервейшее дело военному человеку их от страха избавить. Пистолеты мои с собой возьмёшь, старые османские, убойная сила в них великая. Заряди серебром, береги до последнего и уж пали в упор, чтоб не мазать!

– Когда я мазал-то?

– А месяц назад кто казачков подбил в Вильгельма Телля играть?! – строго припомнил он. – Кто пьяному сотнику Черкасову яйца куриные на папаху ставил да на спор с десяти шагов пулею сбивал, не ты?

– Я. – Оставалось только удивляться, откуда это дядя всё знает. – Но при чём тут мазать-то, я ж ни разу не промахнулся!

– Так-то оно так, а только у сотника вся башка в желтке была, и доныне его в полку иначе как «яйцеголовым» и не величают! А у него два «Георгия» за храбрость, шрамы боевые, заслуженный казак… был, покуда с твоими шуточками не ознакомился…

– Я больше не буду.

– Эх, кто бы врал, Иловайский. – Дядюшка привстал, тяжело дотопал до походного сундучка, достал из него пару длинноствольных пистолетов и протянул мне: – На уж, поохоться, а с Прохора я семь шкур спущу, ежели не убережёт…

Порыскав по карманам, он протянул мне пять-шесть мелких серебряных монет, не наших, румынских или турецких.

– Поруби помельче да и заряди. Мне хвост волчий принесёшь.

– Неужели носить будете? Не под мундир вроде…

– Пошёл вон, балаболка! – опять начал срываться генерал, и я поскорее удалился.

Старый денщик ждал меня за дверями, отлично, охота так охота…

– Ну так что? Идём в лес, паря, пока дядька не напарил! Лучше к зверю в поле, чем под арест в неволю.

Я кивнул, да и кто бы спорил?

* * *

Ещё около часа ушло на хлопоты и сборы, а уже в сумерках вышли за околицу. Старый казак уверенно вёл меня путаными тропками куда-то к лесу, где на опушке и произошла трагедия. Мне доводилось слышать, что преступник часто возвращается на место преступления – мало ли, вдруг забыл чего? Но вот будет ли возвращаться лесной хищник туда, где недавно задрал человека…

Прохор шёл молча, сосредоточенно вглядываясь в густеющую темноту. Ружьё он снял с плеча и держал в руках стволом вверх. Сабли мы не брали, у него был дагестанский кинжал, у меня кроме пистолетов пластунский бебут, кривой и тяжёлый. На охоту длинных клинков не берут, бессмысленно, а с волком вообще врукопашную редко кому удаётся схватиться. Он же быстрый, как молния, и прикус особенный – не рвёт, а режет! Если собака тяпнет, так может и до кости прокусить, но волк полоснёт – разрез как от цыганского ножа…

– Вот оно здесь всё и было. – Старый казак вывел меня на какую-то поляну.

Место открытое, трава где примята, где вырвана с корнем, земля мягкая, но отпечатков звериных лап вроде и незаметно. А вот человеческих хватало…

– Я тут днём был. Пастушка девчонки утречком нашли, когда по ягоды в лес пошли. Слава богу, сами ничё не тронули, за мужиками побежали…

– Ну сейчас-то темно, видно мало, а днём какие следы были?

– Верно мыслишь, ваше благородие, волчьих следов не было! – хмуро кивнул Прохор. – Пастух босой ходил, девчоночки в лаптях, а кто бедолаге горло резал, тот словно по воздуху пришёл.

– Отчего ж тогда трава смятая?

– А оттого что катали паренька здесь и кидали, будто играючи. У него вся рубаха да портки зеленью с кровью перепачканы. Но что зря языком молоть, костёр развести надобно, да и ждать…

Понятно, проверенный метод охоты на живца. Один человек сидит у костра, словно бы спит, а сам палец с курка не убирает. Другой в это время на дереве сидит, во все глаза смотрит. Как тока опасность, он товарищу знак подаст, а потом одновременно в два ствола и вдарят!

– Давай-ка ты вон на то дерево лезь, ножки свесь, а дойдёт до беды – сигай вниз и сюды!

Я прикинул расстояние до указанной берёзы и отрицательно помотал головой:

– Слишком далеко. И зверя толком не разгляжу, и стрелять неудобно, могу зацепить…

– Так ближе-то и нет ничего.

– Давай просто сядем спина к спине. На двоих сразу волк напасть не решится, начнёт ходить кругами, выдаст себя, а стрелять в отблески пламени звериных глаз – дело нехитрое. С пяти шагов не промахнусь…

Старый казак пожал плечами, подумал и признал мою правоту. Я насобирал сухой травы и, стукнув кресалом, развёл огонь. Мелких веточек было маловато, Прохор закинул ружьё за спину, пошёл за сухостоем к той же берёзе, нагнулся

и… пропал!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Судьба слепа! (лат.)

2

Пока дышу, надеюсь (лат.).

3

Знание – это сила! (искаж. лат. scientia potestas est)

Купить: https://tellnovel.com/andrey-belyanin/oborotnyy-gorod

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити